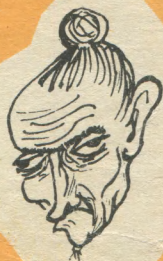

Виктор АРДОВ

БАБУШКИ,

БАБКИ,

БАБУСИ

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

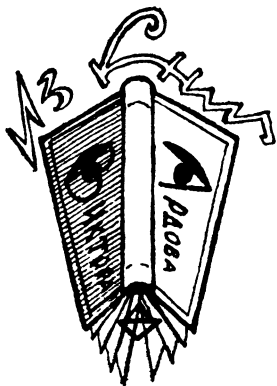
БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 1

Виктор АРДОВ

БАБУШКИ,
БАБКИ,
БАБУСИ

РИСУНКИ АВТОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА 1967

ОТ АВТОРА

Читатели! Я хочу открыть тебе сердечную тайну: с тех пор, как я состарился, я полюбил старушку. Про нее я стал много думать и часто писать. Это было для меня легко, ибо я сам выдумал эту свою героиню. Впрочем, то была не одна старушка. Меня вообще заинтересовал этот возраст.

В самом деле, о девушках и молодых женщинах все пишут спокон веку. Ну, а старухи? Кто подумал о них? Обычно они в литературе на втором плане. Между тем мудрость, приходящая к концу жизни, покой и удовлетворенность, столь частые в пожилом возрасте, даже самые чудачества старых женщин — все это, на мой взгляд, очень интересный материал для рассказов. А сколько тут смешного!

Впрочем, если вам будет не смешно, виноват я, а не мои старухи, бабушки, бабуси, бабки, которых я все равно люблю!

В. АРДОВ

МОТОБАБКА

— Это вы не можете себе представить, какую мне сделала перемену жизни денежно-вещевая лотерея на 69-м году моего существования. Главное, я почему купила два билета от этой лотереи? Была у меня мечта — выиграть швейную машину. Правда, есть у меня машина с 1908 года — еще в «Компании Зингера» покупали мы в рассрочку. И такая была хорошая н о ж н а я машина; потом ножной привод постепенно усох, и машина моя сделалась ручная. А последнее время уж и не ручная стала, а прямо д и к а я: когда хочет — шьет, когда хочет — не шьет; то нитки рвет, то материал, а то ноготь прошьет насквозь... В общем, без новой машины не обойтись.

Ну, купила я два билета. Жду розыгрыша. И действительно, эта лотерея — она меня здорово разыграла. Пришел в газете тираж, я говорю внуку:

— Вовочка, у тебя глазки молодые, сделай милость, посмотри насчет швеймашины: пришлась она мне или нет?

Вова поелозил-поелозил билетами по тиражу, потом как закричит:

— Бабушка, поздравляю тебя, ты выиграла мотоцикл!

— Какой такой мотоцикл?

— С галошей.

И тут же Вова мне объясняет:

— Галошей при мотоцикле называется та колясочка, которая пристроена сбоку на одном колесе для одного пассажира.

— Так что я — автобус, чтобы пассажиров пускать?! А ну как на этом колесе пассажир от меня укатится куда-нибудь, тогда кто будет отвечать?

— Нет, бабушка, эта галоша прочная. И тебе пригодится в галоше катать дедушку.

Я ему тогда же сказала:

— Боже тебя упаси про деда так говорить, особенно при нем при самом! Если он услышит, что я его собираюсь посадить в галошу, он со мной разведется, хотя возраст у него уже прошел, когда надо менять старую жену на молодую.

И так я, знаете, разволновалась через этот выигрыш. Даже ночью мне приснилось, будто мы всей семьей сидим в большущей галоше на манер будто моторной лодки. И будто эта галоша плывет по мостовой, всех будто давит, а за нами будто гонится милиционер, свистит будто в свисток и пуляет из пистолета...

А утром мне дочка посоветовала:

— Возьми, мама, деньгами!

А Вовка не отстаёт от меня ни на шаг:

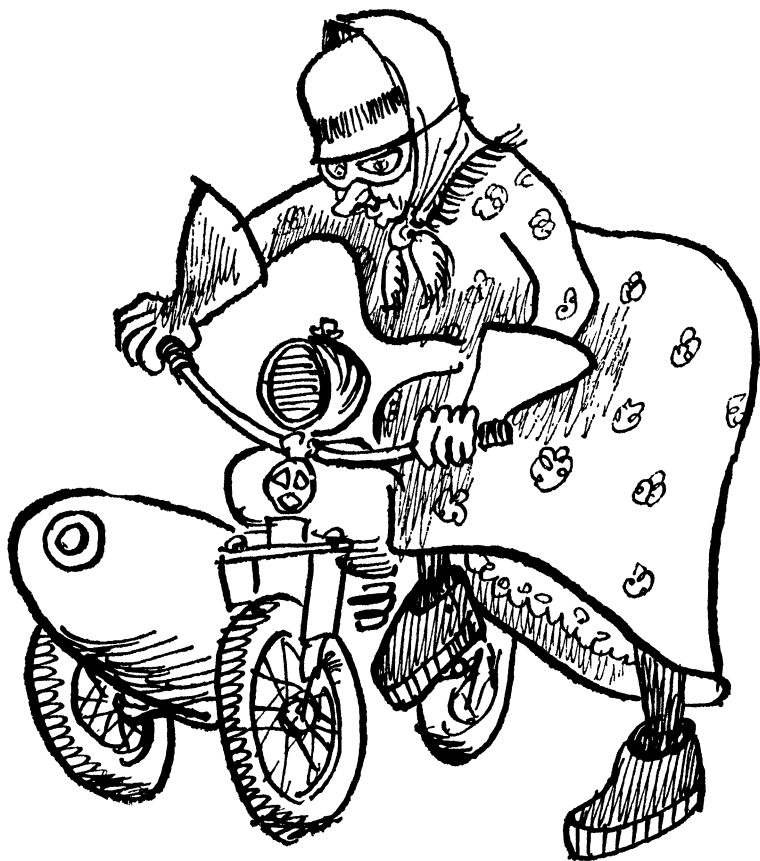
— Бабушка, родненькая, бери мотоциклом, иначе мы его сроду не купим, а я на нем научусь ездить, как все равно в цирке артист, и тебя буду катать, куда скажешь, и дедушку, и всех родственников!

Ну, это что было, когда я предъявила билет в магазине, где выдают выигрыши — автомобили, мотоциклы и эти еще «кроллеры», что ли!.. Прямо все ахнули. Меня поставили на возвышение за загородкой, словно я тоже вроде какого коллера. И все меня рассматривали и поздравляли. И опять мне сулили деньги вместо мотоцикла, но Вовка так на меня жалобно смотрел, что я взяла это трехколесное со всеми причиндалами. Взвалили на грузовик, повезли домой. Вовка себе присмотрел неподалеку пустырь, чтобы обучаться ездить. Как из школы придет, сейчас этот «цикл» из сарая выведет и, слышно, *цикает* уже на пустыре...

А ведь нынешние ребята — они шустрые насчет там электричества, радио или машин... Месяца не прошло, Вовка уже ездил на нем, словно заправский артист: и без рук — то есть от руля руки уберет и шпарит... и стоя... и лежа... и задом наперед. И как хочешь. А слово сдержал: куда мне, например, надо поехать, он меня сейчас посадит в эту люльку и везет. Первое время совестились я в ней располагаться. Однако помаленьку попривыкла. Даже знакомого, например, увижу на улице и ручкой ему помахаю из галоши. Правда, под мотоциклетными очками нос у меня больно потеет. Их, между прочим, почему-то *консервами* называют. Так я другой раз забуду, как их кличут, и кричу:

— Вовочка, ты не видел, куда мои тушенки подевались?

Да! Я вам еще не рассказала, что меня Вова обучил-таки самой его водить! Ага! Сперва это я присматривалась, как оно получается, что подобный примус бегаёт по городу. Ну, постепенно осознала, что к чему. А потом и экзамен пошла сдавать в милицию. Вот там

удивились эти майоры и капитаны!.. Один майор мне уже после экзамена сказал:

— Безусловно, по теории вы не очень подкованный товарищ. Но поскольку у нас покуда еще не имеется мотоциклистов такого возраста и чтобы такого пола, то мы вас пропустили, чтобы украсить нашу отчетность: очень через вас повышается возрастная цифра *женщин-циклисток*. И тем более, ездите вы вполне прилично, и навряд ли из вас образуется водитель-лихач. Трудно также ожидать, чтобы вы сели за руль под мухой...

И это верно. Езжу я аккуратно, правила соблюдаю и скорости даю положенные. Вы, может, спросите: а куда мне особенно ездить? А представьте, находится куда. Вот недавно заболела у меня невестка, положили ее в больницу. Внучата остались, выходит, без присмотра. Так я — что?.. С утра суп им сварю, котлет понажарю, все это — в галошу и еду к ним кормить, убирать у них, мыть... А как же? Я хоть и моторизованная, а все-таки бабушка!

На этой трассе, то есть по дороге к внукам, однажды со мной вышло такое: постовой перекрыл свет ни с того ни с сего. Ну, пришлось мне срочно тормознуть. От этого из галоши-то суп у меня ка-ак плеснет на мостовую!.. Двух прохожих я крепко ошпарила тогда. А еще один гражданин спрашивает:

— Гражданка, это не вы клецки уронили?

Была у меня еще одна, как теперь говорят, *проблема* в связи с моим мотоциклом: сидеть верхом на евовном седле в нашем бабьем платье не очень способно. И Вовка мне давно говорил:

— Давай, бабушка, переходи на спортивные шаровары!

И что ж вы думаете? Я билась, билась, а перешла-таки! Только поверх шаровар все равно надето на мне бумазейное платье без пояса, потому что концы этого пояса один раз уже попали в колесо и я думала, через пояс придет мне полная авария. Да... А на платье-то бумазея вся в больших красных маках, через это меня видать за километр. Вроде я сама светофор из одних красных фонарей: и на спине красные сигналы, и спереди тоже, и под обеими мышками тоже по сигналу «стоп»!.. Так если я где появляюсь, то сразу все начинают тормозить, и получается, что я имею постоянную зеленую волну, как все равно «Скорая помощь».

Через это меня уже многие по городу знают, и не только на нашей улице. И называют меня исключительно так: *мотобабка*.

Так что я вам всем советую непременно покупать билеты на денежно-вещевые лотереи: мало ли что еще можно выиграть! Лично я купила уже 25 билетов на новый тираж, и надеюсь все ж таки выиграть швеймашину: на мотоцикле-то шить нельзя, правда?.. А то вон, говорят, может достаться моторная лодка. Так мы еще тогда и по речке покатаемся. А что? Сон у меня был не зря же, на самом деле!..

ГОЛОЛЕДИЦА

— Вон вы, как я погляжу, молодые люди, а про меня во дворе у нас ребятишки кричат, будто бы мне в обед будет сто лет. Только это, конечно, сплетня. А я среди старух, может, самая молодая. У меня для старухи возраст пионерский, или там октябреночий. А сплетням вы не верьте. Сплетня — она никого не пожалеет. Да вот я вам расскажу, чего про меня еще треплют, так вы прямо рты поразинете...

А началось дело с гололедицы. Знаете ведь, какие у нас зимой бывают гололедицы? Значит, сперва снег нападает; потом погода отпустит — он растает; а потом опять мороз схватит — ну, вот вам и готов каток из всего города. Конечно, ребятишкам — тем лафа: скользят себе где ни попади. А наш брат, пожилой человек, лучше из дому не вылезай. Почему? Потому что ноги тебя не держат. Ты ее ставишь, ступню, а она от тебя уходит!.. Твоя же ступня от тебя норовит убежать, чисто она стала постороннее животное! И левая ступня направо бежит, а правая — налево... Ты им кричишь только: «Куда вы? Куда вы? Куда вы, оглашенные?!» А они разъезжаются, будто этот — как его? — западный развратный танец танцуют — «свист» или «хвист», что ли...

Ладно. И вот, значит, недавно тут вдарила аккурат гололедица. А мне беспрерывно надо выйти по делу: троюродную племянницу Варвару срочно нужно было обругать, что она своей матери ничего не пишет и денег не высылает. Ну, взяла я клюку, перекрестилась перед выходом на улицу и пошла. Как я до нее дошла, до Варвары, ума не приложу: одним скользом передвигалась. Даже двое прохожих остановились на меня поглядеть и промеж себя разговаривают:

— Нет, ты смотри, какой у этой старушки странный ход. Так вот в шахматах конь передвигается: через две клетки на третью — вбок...

А другой отвечает:

— Да, интересно ее кидает. Надо считать, что старушка юзом идет...

— Ничего не юзом. Буксует старуха.

— И не буксует, а дает задний ход...

И главное, все, что они сказали, все — правда. Я уж и так, и этак, и через этак ползла. Даже я до того дня сама не знала, на какие я хитрости и фокусы способная при ходьбе.

И так-то вот добралась я, значит, до Варвары, отругала ее и тронулась обратно.

А обратно еще трудней: ветер такой поднялся! Нога и так скользит, а ветер еще наподдаст, наподдаст — и хоть ложись на лед!.. Я уже по стенке леплюсь, ровно слепая. И сама думаю: вот видала я у одной девицы значочек такой, которые дают, кто по горам ползает «Альписты», что ли, они называются, или «перепилисты». Так непременно мне полагается этот значок за одну мою путешествие к Варваре.

Хорошо. А тут надо мне переходить площадь, потому наш переулок аккурат на той стороне площади. Перекрестилась я еще раз и опустила ногу на мостовую, как в прорубь все равно... Потому — я уже вам говорила — эти самые ноги хоть веревкой привязывай! Я ишу левую ступню, где ей полагается быть: слева от себя. А она уже забежала за правую ногу и еще правее уходит, уходит, уходит... Только я руками принялась загонять ее на место — левую ступню то есть, — вдруг слышу: гудок! Гудок автомобилей. Поднимаю глаза, а он тут как тут — грузовик-трехтонка! А мне уже кажется, что он восьмитонка или сорокатонка, потому что рылом-то своим он только что не уперся мне в бок. Я так и обмерла... Уж на левую ступню плюнула, давай скорей правой ногой выбираться из-под этого грузовика... Гляжу, а машина тоже направо подает. И сквозь стекло я вижу — шофер мне кулаком грозит. Я тогда поднажала на левую ногу, — даю, стало быть, юз налево. Смотрю, и грузовик взял налево. Я назад отпихнулась. И он на меня!.. Ну, вижу, пришла мне гибель неминуемая...

И еще уголком глаза вижу: идет ко мне милиционер. Перед смертью, значит, оштрафует он меня...

Закрыла я тогда глаза, а сама бормочу себе отходную: «Господи боже мой, прими мой дух с миром... владычица небесная... так и не успела я перед смертью осеннее пальто в нафталин убрать!».

И вдруг я слышу, милиционер мне говорит:

— Гражданочка, разрешите, я помогу вам подняться...

И потом шоферу строго так добавляет:

— Водитель, почему вы не тормозите? Или не видите: вы чуть не задавили этого товарища!

Это меня, значит...

Ну, приоткрыла я глазок. Сама себе еще не верю. А грузовик заскрежетал весь, завизжал, затрясся, однако встал. А меня милиционер ухватил под руку, поднял, снег с меня стряхнул и спрашивает:

— Вы куда шли, уважаемая?

Я ему говорю:

— Вот он, мой переулочек. Только мне до него не дойти, потому что я нынче не хожу, а как корова на льду танцую...

А он вдруг:

— Разрешите,— говорит,— гражданка, я вас провожу до дому...

И что ж бы вы думали? Проводил. До самой квартирной двери меня довел. Только вот взойти ко мне отказался, потому, говорит, он на посту и не имеет полного права в служебные часы чай распивать... Это я его попросила у меня чайку откусать со штруделем: аккуратно я в то утро испекла себе в печке «чудо» штрудель с маком.

А какой культурный разговор со мною вел этот сержант, пока тащил меня до дому — именно что тащил. Я как почувяла, что есть у меня опора, так я идти — то есть ногами переступать — совсем бросила, а уцепилась за него обеими руками и волокусь, как мешок с мукой...

Во дворе у нас ребяташки увидали, что я иду под ручку с милиционером, и давай кричать:

— Гляди, какого наша бабка себе кавалера отхватила!

А другие ребята орут:

— Что ты! Это ее арестовали за буянство в пивной! Сейчас ее уведут на пятнадцать суток!

И вот получилась, знаете, форменная сплетня... До сих пор меня дразнят в доме этим милиционером. То ребята прибегают к моему окну и кричат:

— Бабка, спеши на площадь! Твой хахаль на дежурство вышел!

А то спрашивают, скоро ли мы в загс пойдем. А то удивляются, что я сама в милицию не поступаю. Говорят:

— Теперь у милиции форма красивая, тебе, бабушка, очень пойдет!

И все это, я говорю, ну, чистые сплетни! Погому что я после того случая с этим милиционером и не перемигнулась ни разу. Вот вам крест!

ТЕЛЕГРАММА

— Вот мне самой уже седьмой десяток пошел, а я в Москве первый раз в жизни была только этим летом—на Выставке достижений... Конечно, послали меня из-за коров из-за моих. Как это вышло, рассказывать долго. Только я скажу, что сперва коровы у нас были не очень выдающиеся. Так — корова и корова. Рога, безусловно, есть, морда, хвост, вымя, четыре ноги... Но только по нынешнему времени этого для коровы мало.

А только приносит мне прошлый год наш председатель колхоза Семен Евстигнеевич тоненькую книжечку, и там написано, как в одном колхозе добились, чтобы, значит, у коровы появился такой удой, чтобы она могла сама утопнуть в своем молоке, если его, например, за год надоить в один бидон. Правда, такой бидон будет раз в сто поболее цистерны. И пока его строить не собираются... Но прочитала я, значит, ту книжечку и говорю: «А чем мы хуже? Тоже можем раздоить наших буренок так, чтобы если не догнать, так вровень идти с этими...»

А я сама — старшая доярка. Ну, собрала я своих девок, растолковала им все, взялись мы по-научному... Ух, Семен Евстигнеевич даже недоволен был, как мы в это дело ввелись. Например, он заявляется раз и кричит: «Ты чего это тут, коровий командир, мудруешь?! Я жду девок сено убирать, а ты затеяла генеральную уборку... Куда это годится? Никуда это не годится!». Ладно. Отбрехаться и мы умеем. Удой, в общем, дали какой нужно. И на выставку нас выставили.

Хорошо. Вот гуляю я по выставке, осматриваю все, даже родственников встретила — нашей деревенской солдатки Дарьи Безруко-

вой племянник Дмитрий, который женат был на близкой моей родственнице — на Фросе Чиликиной.. А Фрося мне как приходится? А вот: у моего младшего деверя Андрея шурик был Силантий, у этого Силантия сноха Арина за старшим сыном, за Егором, так Фрося-то выходит Аринойной двоюродной сестры Степаниды падчерицы дочка. Так что мы с Дмитрием уже вместе ходили. И он меня спрашивает: «Как в Москве себя чувствуете, Аграфена Карповна?»

А я ему: «Да так бы оно ничего, и выставка из одних чудес, и вообще по Москве на три года хватит, чего осматривать, опять же обращение с нами распрекрасное, но вот все тревожусь я за своих коровушек... Как они там без меня-то? Не приключилось ли чего?! Боюсь, приеду я назад, а мне и поднесут: дескать, Буренушка приказала долго жить по причине перекорма... либо у Изольды брюхо пропорола Эльзевира, поскольку эта Эльзевира больно уж брuxливая... У ней и морда разбойничья! И один рог растет вверх, а другой так-то вот скособочился, она этим рогом, не наклоняя башки, бодается...»

Да. И вот тревожусь я четыре дня кряду, а на пятый день приносят телеграмму — ну, в гостиницу при выставке, где мы все жили. И что ж бы вы думали, в той телеграмме отстукано? А вот:

«Не беспокойте себя, Аграфена Карповна, мы все в полном порядке, аппетит у нас отличный, и удои растут почем зря. Целуем вас ваши Бурена, Изольда, Светозара, Кариатида, Купава, Звездочка и Эльзевира». Что ты скажешь? Все мои ведущие коровы подписали телеграмму!

Конечное дело, на почту не коровы ходили и сочиняли тоже не коровы. Это мои девчонки, зная мой характер, порадовали меня таким посланием... Но я прямо даже расплакалась... Думаю: да попадись мне сейчас хоть Эльзевира, я бы ее в рога поцеловала, честное слово!..

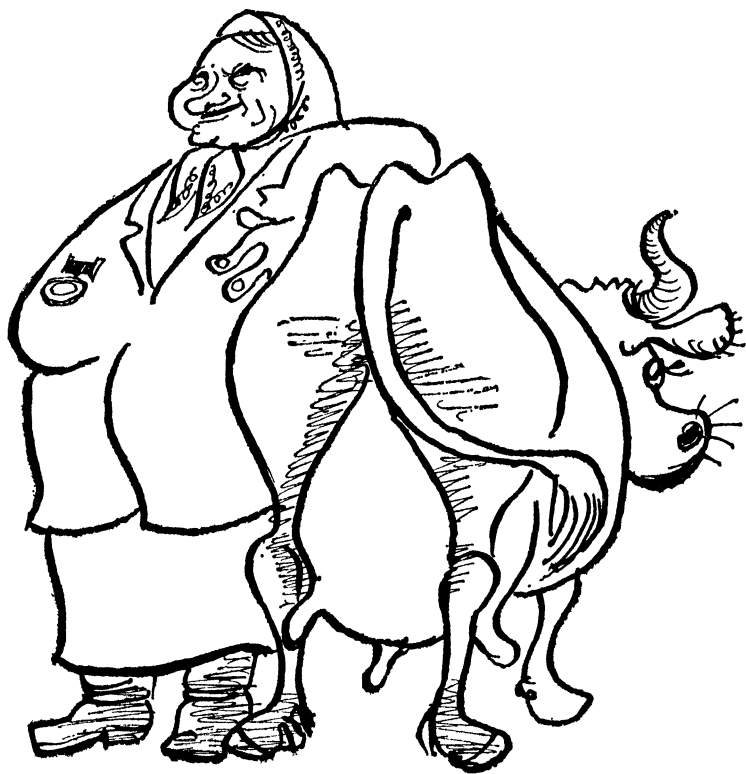
И, безусловно, я тут же отправилась на почту: отбивать ответ. Что-бы поменьше тратить денег, я дала телеграмму только одной Буренке. Но с приветом всему поголовью... Словом, написано у меня было так: «Белгородская область, Буденновский район, колхоз «Заря», Бурене. Спасибо за телеграмму, скоро увидимся, помни про гигиену и разнообразие в кормах, привет всем коровам, а девчатам особо».

Хорошо? Безусловно. Я сама знаю, что удалась телеграмма, трогательно даже. И можете себе представить: девчонка эта, которая принимает в окошке, возвращает мне обратно. Говорит:

— На животных телеграмм не принимаем.

Я говорю: «То есть как это не принимаете?! А это что?! Это я от кого получила?! Когда коровы мне пишут, принимаете, а когда я—корове, не принимаете?! Подавайте мне сюда вашего заведующего плюс жалобную книгу!»

Ну, тут выходит заведующий, я ему показываю, что я получила от своих, народ вокруг аж хохочет... А мне не до смеху!

Заведующий почитал и то, что я подаю, и то, что я получила, послушал эту свою сотрудницу, которая упиралась, как все равно наша Эльзевира, и спрашивает меня:

— Не та ли вы Аграфена Карповна, про которую аккурат вчерашний день напечатано в газете «Сельская жизнь»?

Я ему: «А разве уже напечатано?»

— Так разве же вы не видели?

— Нет еще. Приходили ко мне из этой газеты, такое было, а что уже напечатано, я не видела...

— Ну,— говорит,— а мы видали. Люся, принимайте телеграмму, поскольку от этой телеграммы большая будет польза нашему животноводству.

И после этого мне пожал руку, поздравил с успехом и ушел к себе в кабинет.

А эта сотрудница даже шипит, что вышло не по ее! Правда, я ей тут сказала:

— У нас если попадается брухливая коровенка, как, например, вы, то мы специально такие колпачки надеваем на рога... Может, вы из-за этого себе столько навертели кудрей на ушах?

Народ как захохочет! Так она квитанцию мне выписала и убежала от окошка совсем. Допекла я ее, значит!

ВЕЗДЕСУЩАЯ СТАРУШКА

...Когда заместитель главного врача поликлиники и сестра из нервного отделения вводили его в кабинет невропатолога, он сильно дергался всем телом, всхлипывал и издавал короткие звуки плача.

Несколько успокоенный валерьяновыми каплями, а также ласковым приемом со стороны невропатолога (те, кто его привел сюда, удалились на цыпочках), постепенно этот больной начал сравнительно связно рассказывать о том, что с ним произошло.

— Если вам не хочется говорить, так не надо. Потом как-нибудь,— произнесла симпатичная женщина-врач, осуществлявшая прием нервных больных.

Но больной, стараясь преодолеть произвольные движения головы и тела, отзывался так:

— Нет, знаете, доктор, я ду-ду-думаю... мне будет легче, если я-я... я вам все, все, все расскажу... Ну вот... Вы, наверное, чи-чи-читали этот страшный рассказ Эдгара По: че-че-человек, боящийся че-черных кошек, убил такую ко-ко-ко-кошку в доме, где он ночевал один...

— Что-то такое, кажется, когда-то читала. Но ведь у нас в поликлинике никаких кошек нет. Или это вас дома так напугали?

— Нет, нет, доктор, вы до-до-дослушайте!.. Там, в рассказе, убил человек ко-кошку... а она появилась опять!.. Он ее еще раз за-за-застрелил. А кошка все равно пришла в ко-комнату... И так до са-самого утра!..

— С вашими нервами лучше не читать таких рассказов.

— Нет, вы до-дослушайте, дослушайте обязательно!.. Там ведь чем кончается, у По? Утром этот человек обнаружил, что он перестрелял ко-кошку, ко-кота и пятерых ко-ко-котят... Значит, их было семеро, а он не знал...

Тут больной наклонился близко к лицу врача и свистящим шепотом добавил:

— Но ведь семи одина... наковых ста-ста-старух быть не мо-может, правда? Тогда отку-ку-куда же они?! Ага! В том-то и де-дело!

Ему стало гораздо хуже. Участились подергивания, возобновились произвольные звуки плача, заплясала сама по себе правая нога...

Только минут через семь врачу удалось вторично успокоить пациента. И, несмотря на уговоры отложить рассказ, он продолжал:

— Я ведь еще у-у-утром был почти здо-доров. Ну, не-немножко пошаливали не-нервы. Поэтому я и собирался в са... в санаторий. Пришел к вам за ку-курортной картой. А ведь сами знаете: чтобы получить эту ка-ка-карту, надо обойти несколько врачей.

— Вы бы сказали, мы на дом прислали бы вам все, что нужно. Выпейте вот это...

— Спа-спасибо! Я же го-говорю, ут-ут-утром я был совсем нормальным. Еще когда подходил к ка-кабинету терапевта, то ничего такого осо-осо-особенного не чувствовал... Даже когда увидел ЕЕ...

Больной снова вздрогнул. И врач с участием спросил:

— Кого «ЕЕ»? Спокойнее надо, спокойнее, спокойнее...

— А ее... ста-ста-старушку... Извините, это сейчас-сейчас пройдет... Да... она мне сразу не понравилась. Хотя ссорилась она не-не-не со мною, а с каким-то мужчиной в темных оч-оч-очках. Говорила шешепотом, но по движениям губ было ясно, что она кри-кричит...

— Как это «кричит шепотом»?

— Ну, как вы не-не-не понимаете, доктор: кричать в поликлинике, видно, она не смеет, но, по существу, она уже раз-раз-разоралась. А если поспорит еще немного, то может и по-подрасться. «Я, говорит, все равно пройду к доктору раньше вас. Мне было назначено на 10 часов. А вам? То-то и оно!» И, знаете, я сра-сразу отошел от этого кабинета, потому что перед ним очередь, старуха склочничает... Думаю, по-по-потом вернусь сюда, а сейчас покажусь хирургу.

— Очень правильно вы решили. Не надо вмешиваться в такие инциденты.

— Так разве я не-не-не знаю?.. Вы слушайте да-дальше. Значит, я спустился по лестнице к хи-хи-хирургу, смотрю: точно такая же старушка бу-бу-бушует уже около хи-хирургического кабинета. И, главное, рука у этой за-забинтована до самого локтя. А она такую рукой размахивает над головой испуганной девушки и грозитя:

«Вот сейчас как-как-как вдарю тебя ги-гипсовой повязкой, так будешь знать, чья-чья-чья очередь!» Ей со стороны говорят: «Вы же говорили, что у вас рука нарывает». А она: «А теперь еще и перелом есть, и я не пожалею, говорит, собственного нарыва и собственного перелома, но стукну ее, как все равно по-поленом, если она по-по-полезет к врачу!»

— Надеюсь, вы не приняли участия и в этой ссоре?

— Ко-ко-конечно, нет, доктор! Я пошел тогда в лабораторию, чтобы у меня взяли для анализа кровь. Хо-хо-хорошо. Я сел, лаборантка приготовила иглу, вдруг я вижу: из-за спины у меня появляется чья-то рука и прямо пальцем под иглу... Думаю: «Что за че-че-чертовщина?!» И в тот же момент узнаю рукав тех вязаных кофт, которые надеты на всех этих старухах... Здорово?

Больной выразительно посмотрел на врача, чтобы оценить эффект своего рассказа. Докторша потерла лоб рукою, закрыла глаза и дрогнувшим голосом спросила:

— Бурая такая кофточка с узором из серых комаров, правда? И рукав с обшлажком?

— Да, да, да! А разве... разве вы их тоже зна-зна-знаете, этих старушек? — В голосе больного зазвучали удивление и испуг.

— Это неважно. Продолжайте.

— А что-что-что продолжать? Все же ясно: к какому ка-ка-кабинету я ни подойду, около него непременно такая же ста-старуха. Только у глазника старуха лезет вперед, го-го-говоря, что она слепая... и действительно, глаза зажмурила, наступает людям на ноги, тычется в стенку вместо двери... Правда, когда открыли дверь из кабинета в ко-коридор и нечаянно задели ее дверью по плечу, то она та-такой подняла крик: «Смотреть надо! Спасибо, я успела отскочить, а то ты бы зашиб меня насмерть!..» У кабинета по ко-кожным болезням я слышал, как подобная же старуха вопила: «Лучше отойдите, а то я за-за-заразная, вы все от меня запаршивеете!»

Докторша понимающе кивала головой.

— И еще вот я хотел спро-спросить: у вас есть кабинет физиотерапевтических про-процедур?

— А как же.

— Вот и из этого кабинета выходила то-точно такая же старуха, и я сам слышал, как она произнесла: «Се-сестричка, вы не выключайте кварца, пусть он немножко посветит без меня, а я тем временем схожу в детское отделение, что-то мне кажется, что у меня ко-ко-ко-клюш».

— К сожалению, все это имеет место, — грустно сказала докторша. — Не коклюш, конечно, а старухи...

— Как-как-как «имеет место»? Сколько же у вас по по-по-поликлинике бродит таких одинаковых старух? Я по-понимаю, бывают близнецы, двое, ну, трое... от силы четверо... А т-тут я сам видел

во-восемь таких старух. А что если их бо-больше?! Это же какой-то кошмар!

Гул голосов за дверью заставил и больного и врача повернуть головы в ту сторону. Кто-то мощным рывком открыл дверь.

Вошла маленькая старушка в бурой кофточке с узором из серых комаров. Она еще продолжала говорить через плечо тому, кого оставила в коридоре:

— А я, если хочешь знать, сама псих с 1927 года, у меня справка есть, так что я могу тебя хоть за нос укусить, и мне за это ничего не будет все равно! Понял, нет?!

Больной снова стал дергаться. Докторша истерическим голосом произнесла:

— Больной, спокойнее, примите еще таблетку!

Она вынула таблетку из коробочки на столе, но машинально положила ее в рот себе самой.

— А мне почему таких лепешек не дают?! — визгливо спросила старуха. — Или я уже здесь не больная, да?!

— Пожалуйста, примите хоть сейчас! Только учтите, что этот товарищ припадочный. Если он начнет биться, он тоже не отвечает, куда заедет кулаком там или ботинком..

Старушка боязливо глянула на больного. Очевидно, ей не понравились его мимика и телодвижения, и она, так сказать, задним ходом, исчезла из кабинета.

А больной, расширив глаза, прошептал:

— Де-де-девятая!.. Девятая старуха! Это что же та-такое?.. Никакому Эдгару По в голову не придет, чтобы де-де-девять одинаковых!..

Докторша отрицательно покачала головой.

— Нет, — сказала она, — нет, старуха одна, но, действительно, лечится сразу во всех кабинетах. И всюду, знаете, успевает, всюду старается пролезть вне оч-оч-очереди... Про-про-простите: я ка-кажется, сама начи-чи-чиняю за-заикаться! — Докторша даже покраснела от смущения.

А больной махнул рукою и спросил:

— И да-давно она такая... лечеболюбивая?

— Представьте, только не-не-недавно сделалась. Бы-бы-была нормальной пациенткой. А в прошлом году она вышла на пенсию... ну, де-де-делагь ей теперь нечего.. Вот она... она.. она...

— И лечится почем зря?

— И-и-именно! — подтвердила докторша. — Спасибо, она у нас хоть и в восьми—десяти лицах, но, в общем, од-од-одна такая на всю по-по-поликлинику. А то-то-то бы...

Из-за двери послышался строгий голос вездесущей старухи:

— Сейчас пойду к доктору лично я. Понятно? А если кто полезет раньше меня, то я лично тому не завидую!..

Дальше не было слышно: старуха перешла на яростный шепот.

— Может быть, вы уже в со-состоянии идти домой? — смущенно спросила докторша. — В общем, вы у меня в ка-ка-кабинете минут двадцать... Боюсь, терпение у нее может ло-лопнуть...

— Да, да, доктор! — поспешно откликнулся больной. — Мне, безусловно, уже по-по-пора... Спасибо вам за за-за-заботу...

— Наша обя-бя-бя-занность...

— Я по-понимаю... Но вот что я поду-ду-ду-мал: пожалуй, одна-то такая старуха страшнее де-десяти разных, а?

— Ну, ра-разумеется! Особенно если она, в сущности, здо-здорова и еще пишет про вас в разные места жалобы и свои со-со-соображения...

— Ах, еще и пишет?! — испуганно переспросил больной. — Гмм!.. Нда!.. А у вас нет ли вто-второй двери, чтобы не мимо нее про-про-пройти бы?

— К со-со-сожалению, пока нет...

— Ну что ж, ничего не по-поделаешь. Прощайте, доктор. Наверяд ли мы ско-скоро увидимся...

И больной, зажмурившись, словно ему предстояло войти в холодную воду, взялся за ручку двери. А за дверью уже на полную силу десяти голосов шел скандал. Главенствовал, конечно, хриплый бас все той же вездесущей старушки...

КОЛХОЗНАЯ ГОСТЬЯ

Во время завтрака Александр Петрович Шувалов, работник одного из московских учреждений, сказал жене:

— Да! Я тебе еще не говорил: мать собирается ко мне приехать, как она пишет, на недельку...

Жена, Валентина Ивановна, вежливо, но не совсем приязненно подняла брови и произнесла:

— Это новость!..

Несколько смущенный тоном жены, Шувалов ответил:

— В общем, вышло так, что я сам ее пригласил. Десять лет собираюсь повидаться со старухой, хотел к ней поехать на отпуск, но выяснилось, что отпуск будет не скоро. Я и предложил ей приехать сюда. Вот письмо: она выезжает на той неделе.

Валентина Ивановна с подчеркнутым равнодушием взяла из рук мужа листок помятой дешевой бумаги. С трудом разбирая корявый почерк, она стала читать:

— «Во первых строках кланяюсь родному нашему сыну Александру и дорогой сноше...»

— Сношенька. То есть тебе, снохе,— пояснил Александр Петрович.

Валентина Ивановна улыбнулась, и он покраснел от досады и стыда за свою мать. Все сидевшие за столом тоже сперва улыбались, а теперь отвернулись друг от друга, ощутив неловкость. А Валентина Ивановна вернула мужу письмо, сказав:

— Очень трудно одолеть такой почерк и... стиль. Главное в письме я уже знаю: о приезде...

Лицо Валентины Ивановны изъясляло откровенное огорчение. Шувалов примерно понимал, что именно огорчает жену. В их супружеской жизни протекал период не очень благоприятный. Было много мелких ссор; встречались и серьезные столкновения. Жене казалось, что Александр Петрович мало бывает дома. Она полагала, что дело не только в службе. Мужу, вероятно, прискучило проводить время с ней. Потом Валентина Ивановна тревожилась и по тому поводу, что, с ее точки зрения, Александр Петрович чересчур много стал пить.

Александр же Петрович считал, что пьет он немного, а если ему и случалось иногда быть пьяным два-три вечера кряду, то это всегда вызывалось каким-нибудь стечением обстоятельств. То были случайности, а не система, как утверждала жена. Сетования жены на то, что он мало проводит с ней времени, только раздражали Александра Петровича. Тут он усматривал обычное для женщины желание забрать в свои руки мужа.

В сущности, Александр Петрович разделял неудовольствие жены по поводу приезда его матери. Он тоже хотел бы переживать свои ссоры с женой без свидетелей и без огласки.

Восемнадцатилетняя Катя, дочь Александра Петровича от первого брака, студентка, спросила, выдержав приличную паузу:

— А куда мы поместим бабушку?

И на Катином лице было написано недовольство. У Кати начался первый в ее жизни настоящий «роман». Сокурсник Сева Никольский часто посещал ее. Кате было точно известно, что отец и мачеха неодобрительно относятся к этим визитам. Отцу казалось, что Сева недостаточно красив, недостаточно талантлив, мало обещает в жизни. Дочери своей он желал бы не такого мужа. А Валентина Ивановна полагала, что Катя чересчур молода. Ее раздражало то обстоятельство, что этот «серьезный роман» ставит Катю почти на одно положение с нею — на положение взрослой.

Катя теперь подумала, что бабка, несомненно, станет на точку зрения взрослых, против нее и Севы.

Между тем Валентина Ивановна повторила вопрос своей падчерицы:

— Да, где, ты думаешь, твоя мать должна жить у нас?

— Ночевать она сможет в комнате у Кати. Кате мы отдадим на время уголок Вовки — И Александр Петрович кивнул головой на отгороженную ширмами часть столовой, где проживал их сын Вова со своими аквариумами, клетками и значительным количеством металлического лома, накопившегося за все десять лет его жизни.

Валентина Ивановна невольно погладила Вовку по голове, тревожась за то, как примет бабушка городского внука, которого она никогда не видала.

Теперь и Вовка был огорчен, узнав, что ему предстоит допустить

сестру ко всем своим сокровищам. К тому же мальчик почувствовал, что взрослые не слишком рады приезду бабушки. Он исподлобья поглядел на родителей и сказал:

— Сидела бы она лучше в деревне!..

— Ты о ком это говоришь?! — строго прикрикнул отец. — Сядь как следует, возьми вилку и молчи, когда тебя не спрашивают!

Оборотась к домашней работнице, Шувалов продолжал:

— Дуся, долго вы будете стоять с кофейником в руках? Принесите молоко. Всякий раз надо напоминать!..

Расторопная Дуся обиженно заиграла бровями, опустила кофейник на проволочную подставку и вышла. По всему было видно, что и она неприятно взволнована приездом старухи.

Когда Александр Петрович уходил на работу, он слышал, как Дуся громко делилась своими мыслями с приятельницей, забежавшей к ней из кухни этажом выше.

— И так день-деньской маешься, — громко сетовала Дуся, — все-таки своих четыре человека, да гости, да жених шляется, а тут еще старуха приедет! Откуда? Из деревни! Что я этих деревенских не знаю? Спасибо, у нас хоть хозяйка не копеечница. А старуха приедет, она себя покажет! У нее не хочешь, а в воровки попадешь!..

Соседка вздыхала с глубокими всхлипываниями, циркала и поворачивала заученной интонацией:

— Да, да, да!.. Цы-цы-цы!.. Ох, что делается!..

...Поезд, который привез Аграфену Петровну, мать Александра Петровича, пришел рано. Шувалов сам съездил на вокзал и доставил на такси маленькую старушку с двумя деревенскими холстяными мешками, битком набитыми всякой всячиной.

Валентина Ивановна встретила свекровь в передней и, холодно протянув ей руку, произнесла:

— Очень рада.

Старушка по-деревенски обтерла ладонью рот и трижды поцеловала Валентину Ивановну со щеки на щеку. Шувалов тронул мать за плечо и, указывая на комнату дочери, сказал:

— Ну, мамаша, постановили мы тебя вселить в Катину комнату..

Старушка замотала головой и замахала обеими руками.

— Ничьих местов я занимать не буду, Сашенька, — тихо, но решительно сказала она. — У вас где диванчик есть или кровать раскидная? Там я и примощусь. Сплю я по-стариковски: на рассвете засыпаю, на рассвете просыпаюсь. Вот гостинцы мои свали где-нибудь, а обо мне и не думай.

Тут Валентина Ивановна первый раз посмотрела в глаза свекрови. Глаза были светло-серые, почти совсем бесцветные. На первый

взгляд,—проницательные строгие, а если взглядеться, то совсем добрые и ласковые.

Вовка был уже в школе, Катя — на лекциях. Супруги позавтракали со старухой (Аграфена Петровна выпила чашку чаю, пожевала кусок булки), и оба ушли по делам.

Дуся, внезапно, как Мефистофель, появлявшаяся во всех тех помещениях, куда водили старуху, тоже ушла на рынок. Старушка, шатаясь от усталости после поезда, прошлась по всей квартире. Потом поплелась на кухню, увидела на плите кастрюлю с теплой водой и стала мыть посуду.

Когда Дуся вернулась с покупками, посуда была уже вымыта, сложена аккуратной горкой и прикрыта чистым полотенцем. Аграфена Петровна с лицом, возбужденным от радости привычного труда, начищала кирпичом медную кастрюлю. Дуся была приятно поражена. Со всей городской церемонностью она, не торопясь, ахнула и кокетливо спросила:

— Ой, да кто же это мне посуду всю перемыл?

— Я, дочка, я,—отозвалась Аграфена Петровна, надраивая кастрюлю.

— Вот спасибо-то! Только напрасно вы... Я бы сама... сейчас вот эти полтора рубля сыщу и комнаты пойду прибирать.

— Какие полтора рубля?

— При покупках полтора рубля у меня вроде куда-то пропали. Не то я их сама передала, не то мне недодали...

Говоря это, Дуся испытующе глядела на старушку. Весьма возможно, что полтора рубля у Дуси и не пропадали. Это мог быть тонкий прием, чтобы выяснить степень зловредности приехавшей старухи: будет ли она сплетничать снохе насчет полутора рублей или нет?

Аграфена Петровна выдержала испытание блестяще. Услышав о пропаже, она сочувственно покрутила носом, потом два раза махнула кистью руки в знак того, что и не такие убытки приходится иной раз терпеть порядочным людям, а потом голько заявила:

— Плюнь, дочка, не расстраивайся! Кто денег не платил, у того только не пропадало. Да я сама сколько раз так вот за хозяйскую копейку билась, а потом смотришь — и сыщется все до грошика до последнего!

— А вы что же,—ласково уже спросила Дуся,—в работницах тоже жили?

— А как же, моя милая, а как же!.. Пятнадцать лет была прислужой. Ну что, тебе-то хорошо здесь живется?

Окончательно покоренная, Дуся заговорила, будто с приятельницей.

— Особенно худого не скажу,—решительно, как приговор вынося, сообщила Дуся,—работой не донимают. Веру имеют. И в харчах,

конечно, не урезавают. Но я так скажу: за человека не очень считают. Нет того, чтобы поделиться, если что сами узнают, или что случится у них, или там у тебя спросить про жизнь, а все только: подай, прими, накрой, сходи...

Старушка уже сидела на стуле совершенно в той же позе, в какой обычно сживала Дусина приятельница с верхнего этажа. Тут старуха опустила веки и помотала головой, не открывая глаз.

— Ишь чего захотела, милая! — начала Аграфена Петровна. — Мало, что они тебя за человека не считают, они дружка дружку и то, небось, редко видят. Спешка! Все у вас тут в городе так и мелькает, так и мелькает. Как вы друг друга в лицо-то признаете, я удивляюсь!.. Да и то сказать: у нас вон деревня считается, а как нагнали этих трактористов, да эти еще агрономы, да уполномоченные... Тоже ровно в городе: идешь к колодцу, тебе навстречу народ, а ты никого и не знаешь...

Задушевная беседа продолжалась до самого возвращения из школы Вовки. Открывая дверь, Дуся сказала мальчику сварливо, будто он успел уже в чем-то провиниться:

— Небось, бабушка твоя приехала, мог бы зайти на кухню поздороваться!.. Родного отца родная мать!

Вовка смутился, покраснел, дышать стал часто и только носом. В кухне он появился благодаря внушительному толчку со стороны Дуси.

Но Аграфена Петровна встретила внука с такой лаской и так просто, что мальчик сразу же перестал дышать носом, а все подставлял стриженую голову под заглубевшие старушечьи ладони. Дуся наблюдала за встречей с лицом церемониймейстера, который представлен специально, чтобы предотвращать возможные нарушения этикета. Через две минуты она нашла нужным сказать:

— Ну, рассказал бы что-нибудь бабушке. Показал бы ей, чего у тебя есть

Вовка, приоткрыв рот, глянул на Дусю и затем послушно сказал:

— Пойдем, бабушка, я тебе покажу, какие у меня есть игрушки и вуалехвосты.

— Пойдем, внучек, пойдем, миленький!..

Вовка показывал бабушке все свое достояние, включая и железный лом, в течение полутора часов кряду. Бабушка вежливо удивлялась, ахала, качала головой. По Вовкиному требованию она пробовала силу различных пружин, любовалась быстротой и увертливостью рыбок, мягкостью перьев у щегла. Когда надо было, быстро все понимала. Когда надо было, притворялась на редкость недогадливой и тем давала возможность Вовке показать свою ловкость и сообразительность.

Потом Вовке прискучило поражать бабушку, и он захотел пойти гулять.

— Дуся! Ду-у-усь! — закричал он. — Я гулять пойду. Идем со мной!

— Мне некогда, — внушительно откликнулась из кухни Дуся, — и так обед невеста когда поспеет...

— Ну, я сам пойду.

— А самому нельзя. Мама что говорила? Автомобили здесь ездят... Мальчики нехорошие обидеть могут...

Поучая, Дуся страшно гремела противнем, на котором она по своей инициативе пекла пирог в честь приезда Аграфены Петровны. Но Аграфена Петровна была уже в передней и, натягивая на себя черненькое пальто фасона, принятого в начале двадцатых годов, говорила:

— Дай уж я с тобой, внучек, погуляю! И так-то мне тебя жалко! У нас вон на деревне мальчишки целый день гоняют, где хотят, никого не спрашивают. Зимой — по речке на салазках, летом в лес по ягоды ходят, по грибы... И опять круглый год на лошадях, на машинах, на тракторах...

— Одни? — недоверчиво спросил Вова.

— А кто же с ними пойдет? Кто постарше — все на работе.

— Такие маленькие — и 'одни?

— И помене твоего одни ходят. Известное дело: деревня. А вот ученье кончишь к лету, просись у родителей ко мне, дескать, к бабушке погостить. Я тебе и грибные все места покажу, и ягодные, и где орешник растет... И в ночное с ребятами поедешь — лошадей пасти... А уж как по осени эти комбайны пойдут по полям, ну, тут вашему брату раздолье: и комбайнерам подсоблять, и на токах это мальчишки резвятся, и с красными обозами на элеватор ездят..

Вовка ушел на улицу, слушая бабушку с большим вниманием. Теперь он дышал одним только ртом.

Когда Александр Петрович и Валентина Ивановна вернулись домой к обеду, часов около шести вечера, они застали Вовку в столовой у дивана. На диване дремала уставшая Аграфена Петровна, а Вовка безжалостно дергал ее за рукав и канючил:

— Бабушка, а бабушка, а как же у вас лисиц ловят?

— Так и ловят, — сонным голосом отвечала Аграфена Петровна.

— А как «так»? Ты говоришь, капканы ставят?

— И капканы...

— А если трактор сломается, его чинят?

— А как же? Непременно чинят...

— А как чинят?!

Увидев родителей, Вовка оживленно сообщил им:

— Она мне все про колхоз рассказывала: и как что сеют, и как пахут тракторами, и как лес сажают, и пруды роют... Я на лето к ней поеду в колхоз, когда нас из школы распускают! Можно?

По Вовкиному лицу было видно, что если ему сейчас ответить «нельзя», то он немедленно заплачет.

После обеда старуха пошла на кухню. Опять помогала Дусе и сидела там до вечера. Дуся громовым голосом рассказывала ей всю свою жизнь.

Александр Петрович работал у себя, а Валентина Ивановна ушла в гости к приятельнице. Вовка делал уроки и каждую минуту прибегал в кухню, чтобы сообщить бабушке какое-нибудь событие из жизни своего класса. Но так как жизнеописание Дуси было неподходящим для его ушей, его все отсылали назад.

Потом к Кате пришел ее друг, Сева Никольский. Очень скоро после этого Катя появилась на кухне и сказала смущенно:

— Бабушка, там у меня сидит один товарищ... Он с тобой хочет познакомиться. Пойдешь?

Старуха пошла очень охотно, обдернув юбку и поправив платок на голове. Вошедши в комнату к Кате, она произнесла:

— Ну, здравствуй, здравствуй, голубчик! Дай-ка я на тебя погляжу... Ой да какой ты ладный, красивый из себя, молодой!.. А внучку-то мою любишь, а? Ну, отвечай старухе.

Молодой человек, который перед родителями все делал вид, что его посещения носят деловой характер: то он будто бы приходил за учебником, то приносил лыжную мазь особого состава, то заходил справляться относительно совместного посещения музея, — молодой человек вдруг улыбнулся и сказал просто:

— Очень люблю, Аграфена Петровна.

Бабушка поцеловала его и Катю, посидела с ними минут пять, расспрашивая Севу о том, где и как он живет, чем занимаются его родители и прочее. Потом она отправилась к Александру Петровичу. Лицо у нее было значительное и расстроганное. Она закрыла за собой дверь и заявила:

— Сейчас смотрела я Катиного жениха. Хорош молодец! Всем взял: и умен, и красавец, и специальность отличную себе взял...

Александр Петрович хотел было снисходительно улыбнуться, но, вызвав в памяти внешность Севы, вдруг понял, что молодой человек действительно недурен собой, и неглуп, и вообще.. Александр Петрович улыбнулся почти самодовольно. А бабушка продолжала:

— И любит ее. Ничего не скажу, любит. Правда, и она его крепко любит ..

— Да ты-то это откуда все знаешь?

— И-и, милый, я такие дела сердцем чую! Про посторонних и то понимаю, а тут родная внучка!.. Когда свадьбу-то играть думаете?

Александр Петрович крикнул и задумался. В это время вошла Валентина Ивановна, и он обратился к жене:

— Вот мать спрашивает, когда мы Катю отдадим замуж. Говорит, что ей нравится этот Сева...

Валентина Ивановна сухо отозвалась:

— Не знаю. По-моему, Катя еще молода..

— Как же молода? — с искренним удивлением спросила старуха. — Я-то уже в ее годы... Да ты сама скольких лет замуж вышла?

Валентина Ивановна стала прикидывать. Вышло, что разница в возрасте была не так уж велика, а главное, Валентина Ивановна вспомнила, что и на ее пути стояли почти эти же самые препятствия: несогласие родителей, мнимое «легкомыслие юности», которое ей приписывали... Вспомнила она и то ощущение несправедливости, которое было у нее тогда... И впервые Валентина Ивановна в мыслях благосклонно отнеслась к замужеству своей падчерицы.

Александр Петрович по случаю приезда матери хотел просидеть вечер дома, но через час, когда было все обсуждено и повторялись уже высказанные ранее мысли, он надумал уйти. Валентина Ивановна сердито заметила:

— Мне кажется... — Валентина Ивановна пыталась остаться спокойной, но ей это не удалось, — мне кажется, что в день приезда твоей матери... да, твоей, а не моей... ты мог бы и остаться дома!

Но даже сорвавшись в гневный тон ссоры, Валентина Ивановна больше наблюдала за свекровью, чем смотрела на мужа. Она ждала, что старуха, если не словом, то хоть выражением лица обнаружит свою симпатию к сыну против нее, невестки. Аграфена Петровна, кряхтя, отошла в угол — к своим мешкам — и принялась для чего-то перебирать их содержимое. А когда ссора разрослась и Александр Петрович крикнул жене что-то очень резкое, старуха, не торопясь, вышла на середину комнаты, покачала головой и укоризненно сказала сыну:

— Ой, что это нехорошо как, Сашенька!.. Вы ведь люди городские, ученые, вам бы помягче надо!.. Да особенно с женою.

Валентина Ивановна в этот миг тяжело дышала от обиды и придумывала, что бы позже ответить мужу. Поступок свекрови поразил и даже тронул ее. Она почувствовала, что может прослезиться. Мелькнула мысль: «Как глупо! Еще недоставало реветь, чтобы она подумала о нас черт знает что!..»

Александр Петрович, смущенный, покинул комнату. Произошла пауза.

Аграфена Петровна снова обратилась к своим мешкам. Только когда хлопнула входная дверь — значит, Александр Петрович все-таки ушел, — старуха произнесла:

— И ну его! Ты знаешь их, мужиков: покуда его дома держат, он все на сторону глядит. А отошли ты его завтра куда-нибудь, он, как пришитый к юбке твоей, будет сидеть...

— Да, но мне скучно без него... тоскливо... — ответила Валентина Ивановна.

— Как не тоскливо! Что ж, я сама не знаю?.. Иной раз цельную ночь не спишь: мужа дожидаясь. Его, может, дела домой не пускают, а может, и загулял где... И так тебе тревожно... Все думается: а ну как обидит его кто, особенно по пьяному делу! А уж кругом все спят, только собаки на дворе брешут. А потом рассвет начинается — то темно было, а тут посерело все в избе, и так-то все некрасиво покажется, грязно, неуютно!.. А утром он и являється — здрасьте, пожалуйста, тут как тут, целый и невредимый. И даже не пьяный другой раз. Такая уж наша бабья доля...

Валентина Ивановна промолчала, а потом заметила как бы невзначай:

— Видите, мама, он еще пить начал.

Лицо у старухи сделалось серьезным.

— Пить? — переспросила она. — Это худо. Что же он, не дай бог, запойный? На работе пьет?

Предположения старухи были так далеки от того, что существовало на самом деле, что Валентине Ивановне вдруг стало ясно: печалиться решительно не о чем. Валентина Ивановна улыбнулась совсем безмятежно и поспешила успокоить старуху:

— Нет, мамочка, до этого дело не доходит. Он вообще без компании и не дотрагивается к вину.

Старуха вздохнула:

— Ну, это что!.. Я было испугалась. А так, я вижу, вы хорошо живете, ладно...

И Валентина Ивановна внезапно поняла, что старуха совершенно права. Действительно, жизнь шла хорошо и без особенных забот и тревог. Впрочем, она тут же заговорила со свекровью о том, что вот надо бы послать Александра Петровича в дом отдыха — очень уж заработался; купить кое-что неплохо бы из домашней утвари и прочее...

Александр Петрович вернулся поздно. Дверь ему открывала старуха и на вопрос, что слышно в доме, отозвалась шепотом:

— А что может быть слышно? Спят все.

— И Валюша спит?

— А то как же? Чего ей до петухов сидеть?

— Сердилась она на меня?

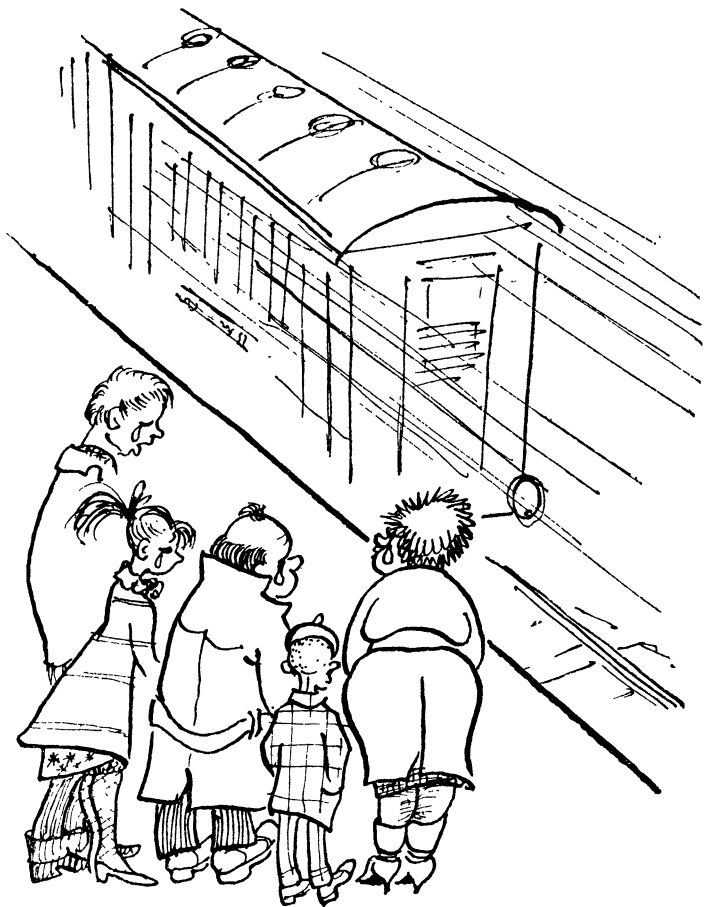
— Что-то не заметила. Часов до двенадцати мы с ней поговорили, все дела успели обсудить, а потом и спать легли...

— Ты у меня, мамаша, прямо ангел мира, — улыбаясь, сказал Александр Петрович и обнял мать.

Старуха, почти кокетливо поджав губы, заявила:

— Какой из меня ангел!.. Я вот чертям скоро достанусь на закуску...

— Ну, ну, ну, поживем еще! — отмахнулся Александр Петрович и пошел в спальню.

...Уезжала бабушка не через неделю, как предполагала, а через две с половиной недели, «погулявши на Катиной свадьбе», по ее выражению. Провожали всей семьей. А Дуся, которая осталась дома, выбежала на улицу простоволосая и долго махала рукою вслед машине.

В пути и даже еще на вокзале все уговаривали бабушку:

— Ну, куда торопиться? Пожила бы еще у нас!

— Нет уж, деточки,— твердо отвечала старуха,— надо честь знать. Да и дома меня дожидаются. Я ведь там на дело нужна, не на безделье. А если у вас что тут, оборони бог, случится, то вы сейчас письмо ай телеграмму отбейте. Я ведь быстрая: котомку собрала и на поезд...

— До поезда-то от вас шестьдесят километров,— напомнил Александр Петрович.

— Это правда. Только теперь у нас в колхозе машины свои: мигом домчат. А по другому делу мне и приезжать не требуется. Я теперь все про вас знаю. По другому делу я только письмецо напишу...

— С поклонами письмо,— немножко с иронией, но и ласково сказала Валентина Ивановна: — «Во первых строках моего письма...»

— А как же? Во первых строках, как водится, поклоны. А потом и про то пишется, какая кому есть надобность... А ты бы, Сашенька, просился к нам в район на работу. Теперь вон больших работников посылают в деревню. И ты бы где-нибудь рядом с нами зажил... А уж Вовочке как хорошо было бы!..

— Ладно, мамаша. Это мы обсудим, обдумаем... А не пора ли на посадку, а?..

На перроне все немного прослезились. Бабушка кланялась в пояс по-деревенски. Вовка откровенно плакал и сказал басом:

— Ты мне, бабушка, пришли из колхоза чертеж, как у вас делают скворечники.

— Постараюсь, внучек, уж постараюсь... Вон тетка твоя, Клавочка, младшая моя дочь, она тебе начертит, я ей накажу...

Поезд тронулся. Все шли рядом с вагоном, пока было возможно. У окна стояла старуха. Теперь плакала она, а провожающие улыбались.

КАК ВСЕГДА

Величественно-тучный заведующий продовольственным магазином показался в дверях сзади прилавка и хриплым голосом с одышкой пророкотал:

— Марь'Максим'на, потом загляните ко мне...

Через четыре минуты заведующая секцией гастрономии Марья Максимовна, особа лет пятидесяти, с подозрительными глазками, непрерывно бегающими с тою быстротой, какая бывает у рисованных глазок кошки на циферблате детских часов-ходиков, уже втиснулась в чуланчик, из вежливости называемый сотрудниками «кабинетом самого». А «сам» — уже известный нам заведующий — сидел за крошечным столиком. Он жестом показал Марье Максимовне, чтобы она прикрыла за собою дверь и приблизилась. Когда это было исполнено, заведующий загворил свистящим шепотом:

— Я в отношении этой девчонки...

— Васютиной? — сразу же поняла Марья Максимовна.

— Вот именно. С нею надо кончать. Сегодняшний день она опять меня спрашивала: «На каком основании Прохорчук вчера вынес из магазина ветчину?...» Потом высмотрела, как ваша мамаша заходила за сливками и теми же яичками... Пора, пора убрать ее от нас!

— Я уже давно говорю, Иван Евдокимыч: Васютина нас до добра не доведет!..

— Еще бы! Ну, вот я тут кое-что придумал в этом отношении... Вон видите? Сверточек. Надо данный сверток, понимаете или нет, тихонечко подложить в ее личный шкафчик... А вечером, мне известно, контролер пожалует в наш магазин, ну и...

Тут заведующий сделал выразительное движение жирной ладонью, словно схватил кого-то за шиворот и опустил того — схваченного — головой к земле...

— Понимаю. Так и сделаем, Иван Евдокимович. Только...

— Что только?

— Только кто будет подкидывать? Мне самой неудобно: эти девчонки-продащицы вертятся вечно около своих шкафов: кто там пудрится, кто платочек берет, а кто и...

Тут заведующая секцией, в свою очередь, сделала жест, на сей раз означавший, что девчонки тоже «не теряются», как говорят в подобных случаях лихие пошляки, и кладут в шкафчики нечто, о чем лучше умолчать...

— Верно! Значит, надо тово: девчат предупредить, что на сегодня вызваны контролеры. А этой бузотерке как раз мы и подсунем товару рублей на пятнадцать... Вы вот что: позовите ко мне уборщицу тетю Варю.

— Верно! Вот это правильно, Иван Евдокимыч! Тетя Варя — самый подходящий человечек для такой операции... Она у нас тихая, как мышка, все знает, можно сказать, ко всему попривыкла... И никто не удивится, если она задержится возле тех же шкафов...

Открыв дверь чулано-кабинета, Марья Максимовна возопила:

— Тетю Варю там кликните!.. Я говорю: уборщицу тетю Варю к заведующему, вы слышите, девчата?..

И через короткий промежуток времени маленькая старушка в синем халатике с веником и тряпкой в руках предстала перед обоими руководителями магазина. Выслушав указания и пожевав губами крошечного впалого ротика безо всяких признаков губ, старушка произнесла тихим голосом:

— Нукчтож... это завсегда можно... Где сверточек-то?

— А вот он. Значит, ты поняла, тетя Варя? Чтобы не дай бог эта Зинка Васютина не заметила, как и что ты кладешь, — такставляла уборщицу Марья Максимовна.

— Сделаем... неужто не сделаем?.. Комар носу не подточит! Ключ вы мне дадите?.. Хотя у нас ко всем шкафам ключи одинаковые... Давайте его сюда, кулечек...

И тетя Варя, имитируя осторожную походку пограничника, крадущегося вослед овчарке за нарушителем границы (как это изображается в приключенческих фильмах), со свертком в руках направилась к выходу из кабинета-чулана...

...— А это чей шкаф? — строго спросил контролер.

— Это лично мой! — с достоинством ответствовала Марья Максимовна.

— Та-ак... Посмотрим, что тут у вас имеется с точки зрения санитарии и гигиены...

И контролер открыл створку узенького «личного» шкафчика. Взглянув вовнутрь, он заметил:

— Нет, у вас все, конечно, в порядке... А это что?.. Позвольте, позвольте... Кулечек-то довольно солидный... Что в нем? Ага! Так и надо было думать... Ассортимент вашего магазина?.. Ясно!

Марья Максимовна, выпучив глаза, смотрела на известный уже ей увесистый пакет, покачивавшийся в руках контролера. Из-за ее спины вытянул голову завмаг Иван Евдокимович и, раскрыв рот, дышал, как сазан, выброшенный на берег. Сзади скопились продавцы.

Наконец, Марья Максимовна обрела вновь дар речи и визгливым фальцетом произнесла:

— Клянусь вам, я просто не понимаю, как это так он сюда попал!

— Ясно! — кивнул головою контролер. — Это всегда так говорится. Что ж, придется составить актик, товарищ заведующий. Где ваш кабинет?..

— Та... та... там кабинет... Попрошу налево...

В кабинет шли, как за гробом: медленно, печально глядя перед собою. Замыкал шествие завмаг. Вдруг он увидел в дверях, ведущих в подсобное помещение, тетю Варю. Старушка, задрав голову, смотрела с нескрываемым любопытством.

— Ты это что ж наделала, старая карга?! — прошипел завмаг, поравнявшись с уборщицей.

— А что? — быстрым шепотом ответила она. — Как вы сказали, я так и сделала: выждала, пока Васютина занялась с покупателями, и сунула Марь'Максим'не эту вот благостыню...

— Так разве ж тебя о том просили?!

— А о чем же? Слава те, господи, не первый раз мы Марь'Максим'ну выручаем: то то ей подкинешь в шкафок, то другое... А этой новенькой, Зинке то есть, так разве ж ей всучишь что? Она ж вас и так срамит, где может...

И столько убежденности в собственной правоте было в глазах старухи, в выражении ее маленького личика и даже в энергичных складках вокруг сжатого ротика, что завмаг только рукою махнул. К тому же он услышал голос контролера:

— Товарищ заведующий, давайте уж сперва мы напишем акт, своих сотрудников инструктировать будете потом!

Через сорок минут Марья Максимовна, выходя с заплаканным лицом из знакомого нам чулано-кабинета, повторяла между бесконечными сморканиями:

— Погубила меня проклятая старушонка! Без ножа зарезала! Убила и голову оторвала!

А в другом конце магазина «проклятая старушонка» горячо оправдывалась перед обступившими ее продавщицами:

— А я что? Я ведь, как всегда... У меня уже привычка: что мне даст Марь'Максим'на, несу ей в шкафчик. Что Иван Евдокимыч — ему в шкафчик А как же? И пускай меня теперь спрашивает самое высшее начальство, я всем так скажу: как всегда, так и сегодня... Я что?..

Продавщицы хмуро поглядывали на старуху. И только «бузотерка» Васютина веселым голосом отозвалась:

— Правильно, тетя Варя! Ты так и начальству расскажи: «Как они меня приучили, так я и делала». Твоя привычка очень важное имеет значение! Именно что это «как всегда»!

ПРО ФУТБОЛ

— Уж я не знаю, как вы все, дорогие вы мои, а вот лично я, как только лето придет, я ведь житья не имею исключительно через него, через этот проклятый фуцбол!.. Летом-то в разговорах один фуцбол; в газетах каждый день пишут про фуцбол; по радио четыре раза в день марш этот запузывают... А что у нас на дворе делается! Вот я сама — мне шестьдесят девятый год — с апреля месяца и по ноябрь делаюсь фуцбольная полузащитница. А как же?! Мальчишки у нас во дворе начинают играть, снег еще не сошел... Они по сугробам уже прыгают и кричат: «Аут! Аут! Аут!..» А как они зачали ауткать, значит, должна я выходить на защиту своего окошка. В первом этаже у меня окно, так вот цельный день стоишь перед окном и ждешь прямого попадания мяча. Ведь хочется мяч лучше на голову принять, чем на стекло ..

И все равно, знаете, защищай не защищай, на неделе четыре раза мяч — тама! А если мяч «тама», стекольщик, знаете, сколько с меня берет?..

Но я говорю, что я полузащитница, потому что нет-нет, а придется переходить в контру-наступление. Если очень близко к окошку ребята сделают ворота, беру швабру и кидаюсь в атаку!

А за что я еще его не люблю, фуцбол, это что мне самой за него болеть никак, то есть, нельзя. Это уж я гочно говорю, потому пробовала уже... болела... Это когда? Позапрошлый год уговорили меня сын с невесткой поехать с ними на самый главный московский стадион «Динамо» поглядеть настоящий календарный матычытытыт.

Ну, приделась я, как могла: платье надела новое штапельное кобеднешнее — знаете, по черному полю горошек величиною с ар-

буз .. парадные полутапочки-полугалоши обула — сверху байка, снизу лайка... Это у нас только физкультурники носят и старухи, а больше никто. Косынку повязала — заграничную, синтетическую: вискоза пополам с рогожей. Ну, поехали...

Это что в метро делалось, когда люди спешили на фуцбол, я вам сказать не берусь, только я так думаю: сельдям в бочке просторней. Промеж сельдей хоть рассол есть! А в метро никакого рассола нет. Люди так сплюснуты, к станции подъедут, не сразу дружка от дружка отлепляются... Я уж думала, хуже не бывает.

Ан у самого стадиона еще-еще круче! Я сама там наблюдала, как народ одну лошадку чуть насмерть не задавил... Ну, как же: конный милиционер верхом на коне. И народ притиснул этого коня к забору так, что все слышали: конь, то есть лошадь, закричала нечеловеческим голосом: «Граждане, отпустите хоть душу на покаяние!..» То есть она не по-русски говорит, а ржет по-своему... Так ведь понять-то можно, об чем — ржа...

Ну, ладно. Кое-как протискались мы на свои места, сели, я смотрю: внизу на лужайку выбегают двадцать молодцов с голыми колениками... И такие все здоровые, крепкие; у каждого на спине номер, как на грузовике... А обула на них такая, я сроду не видала: подошва, словно кирпич, и еще снизу подошвы, как из забора, гвозди торчат...

И начинают они играть, как все равно мальчишки у нас во дворе... Только напору-то у них больше, правда. Я уж про себя думаю: «Слава тебе, господи, что мое окошко далеко от этого стадиона! Ведь эти не то что стекло, раму высадят!..»

И еще, помню, сказала я сыну: «Паша, Пашенька, а не пробовали раздать им каждому по своему, отдельному мячу? Может, они бы тогда из-за этого мяча драться-то перестали?..»

А вокруг меня что делается среди зрителей, я только смотрю и диву даюсь!.. Справа от меня сидит гражданин из себя солидный, высокий, толстый: щеки со спины видать... На лысине двойной зачес туда-обратно. Этак волосок к волоску прислунить — это же часа два работы. Пиджак на нем разрисованный, как диван, — весь в капочках. Портфель в руках двуспальный, раскладной. Ну, сразу ясно: директор. Вдруг этот директор вскочил на скамью, по своему же портфелю пляшет, весь зачес у него стал дыбом, как забор, вокруг головы. А сам он орет так, что у него сейчас жилы лопнут... А кому он орет? Игрокам на поле. Они его слышать не могут, а он надрывается: «Куда бьешь, мазила?!»

Я хочу от него отодвинуться, но вижу, слева еще опасней. Слева сидит мама с ребенком. И я смотрю: уже не мама, а ребенок свою маму успокаивает. Он ей говорит: «Мамочка, не дерись ручками! Мамочка, не лягай ножками, как лошадка! Мамочка, вынь пальчики из ротика, перестань свистеть хоть на минуту! Ну, смотри: все

тети сидят, как следует, ты одна шалишь, словно беспризорница!»

Пониже меня сидят старик со старухой. Вы поверите ли: она с виду лет на десять постарше меня... Ну, тихая такая старушка, как белая мышка все равно, и зубов уж у нее нет никаких... И вдруг я слышу: она своему старичку говорит: «Ну, что, Карпыч, припухла твоя «Динама»?..» И язык ему кажется. А старик ей отвечает: «Ничего, сейчас твою «Торпеду» разгромят, и тебе попадет лично от меня!..»

Я думаю: «Это же сумасшедший дом! Надо убираться отсюда под добру-поздорову, пока цела!..» И только я так подумала, смотрю, у самых ворот свалка... Человек восемь игроков один на другом, только руки торчат, ноги, головы, и мяч по ним прыгает... Народ шумит, судья свистит... Я думаю: «Что же, теперь забьют они или не забьют?! Забьют или не забьют?!..» Мяч опять полетел, и я слышу, что я уже кричу...— понимаете? Я! Я сама! Я кричу: «Судью на мыло!!!»

Вот тебе раз: в полчаса сделалась я болельщицей! И уж после этого я так стала бушевать... На меня этот директор прямо пальцем показывал. «Эту,— говорит,— бабку поставить в ворота, она ни одного мяча не пропустит!».

Зато на обратном-то пути меня сыч с невесткой прямо на руках несли: ведь сердце-то у меня немолодое... Разве мне можно так волноваться? Вот я почему от себя этот футбол отставляю... И когда по радио они бормочут, кто кого на поле догнал, кто мимо промазал, кто кому чего сломал, или вывихнул, или оторвал, я в каждое ухо вот по такому куску ваты затискиваю, чтобы не слышать их вовсе!..

СЕРЬЕЗНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

— А должность у меня очень серьезная, несмотря на возраст. Вы, может, думаете: сидит себе бабушка и от нечего делать вяжет? А я, если хотите знать, нахожусь здесь на ответственной работе. Я являюсь заведующей транспортом. Во-первых, в моем подчинении лифт. А главная моя должность: веду гаражом.

Что, непохоже? Скажете: механического образования в данной бабке не чувствуется? И действительно, за всю мою жизнь я сложнее, чем мясорубка, машины и не касалась. Но у меня и гараж особенный. И машины в моем гараже необыкновенные. Ни «ЗИЛов», ни «Чаяк», ни «Москвичей» вы там не найдете. У меня машины особого назначения: безмоторные. Да, да! Наняли меня в этот новый дом на специальную работу: заведовать гаражом детских колясок.

А что вы думаете? В таком доме, как наш, без того не обойтись! Вот я недавно на собрании жильцов делала доклад. Так, знаете, какие цифры? На сегодняшний день в нашем доме двести восемь квартир. Из них шестьдесят процентов охвачены грудными младенцами. Так что кадры, с которыми я на сегодняшний день работаю, составляют на сто двадцать пять квартир (уже охваченных) сто двадцать восемь единиц. Откуда, спросите, три лишних единицы? Ну, во-первых, лишних детей у нас нет. Все нужны. А во-вторых, учтите близнецов. Трое двоешек у нас. И не исключено, что появится тройня: медицина о том сигнализирует одной будущей маме, которая живет в квартире № 93. А колясок у меня сколько? Вот и подсчитайте! Сто девятнадцать легковых, три двухместных и еще одна — особая. Я про нее скажу отдельно.

Вон сколько экипажей! Не таскать же их вверх и вниз по два раза в день! Значит, создали гараж, который лично я возглавляю. Дело крупное, пришлось даже номера к коляскам прикреплять, как у настоящих автомобилей. Иначе как их различить? Продукция этих колясок на заводах очень схожая: два фасона и три цвета. А теперь очень просто. Спускаются, например, папаша или мамаша со своим ребенком и еще издали кричат мне: «Тетя Нюша, прошу экипаж номер пять—сорок три подать к выходу!» И я без всякой путаницы и волокиты выкатываю коляску именно с номером пять—сорок три: пожалуйста, гражданин Советского Союза, усаживайтесь или укладывайтесь — и в добрый путь!

А то я слышу: «Тетя Нюша! Вызовите двухместную карету под номером два — ноль пять дробь два ноль шесть!» Я, значит, знаю: это из семнадцатой квартиры близнецы выезжают на прогулку...

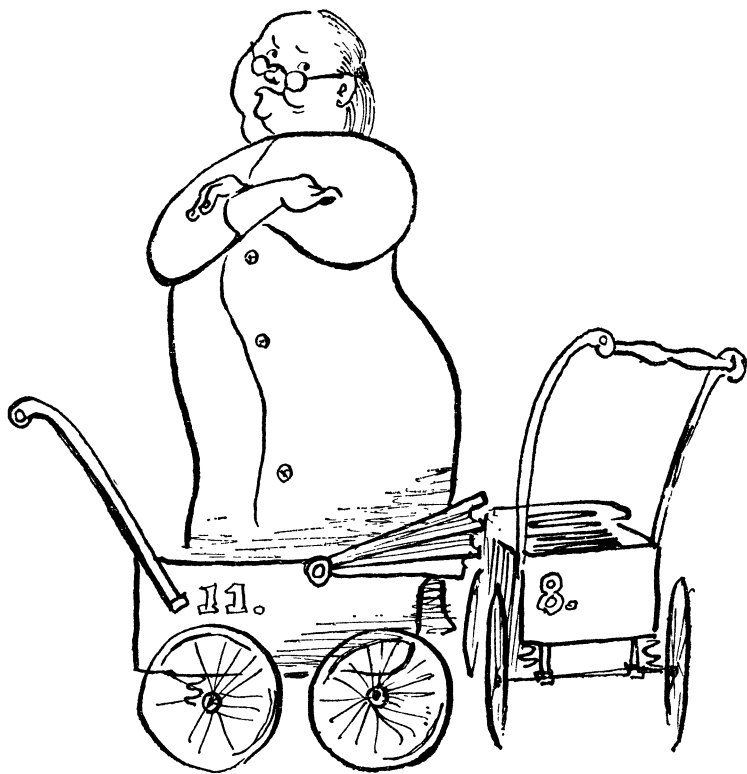
Вообще утром в моем гараже «часы пик». И начинается прямо бешеное движение по улице именно детских колясок. От дома до сквера на углу так и катятся туда и обратно непрерывной колонной. Хоть регулировщика ставь, ей-богу!..

А хороши на ходу эти экипажи в одну родительскую силу! Ну прямо что твои автомобили! Разница только вот такая: у нас пассажир спереди, а водитель — сзади. Да гудок не механический, живой. А посмотрели бы вы на водителей, то есть родителей. Кто только не толкает перед собой коляску! Тут и бабушки, и дедушки, и мамы, и папы, и тети, и дяди. Самые разнообразные родственники. Но у всех у них есть одно общее выражение глаз. Идет за коляской мама, бабушка там или там папа, смотрят на свое чадо, а выражение глаз у всех такое, что я описать не берусь... словно это не чадо, а чудо. Ну, одним словом, как и у вас, когда вы на своего ребенка смотрите.

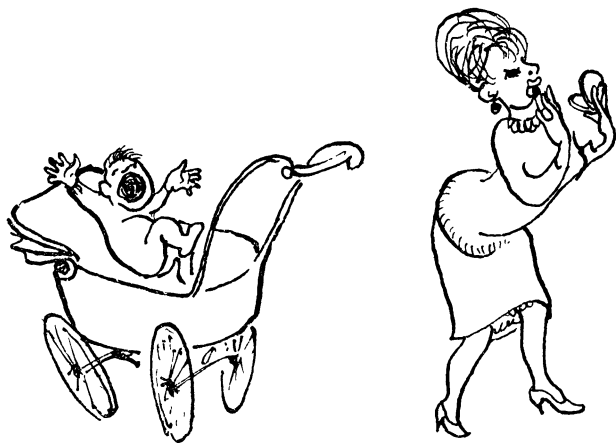
Особенно интересно поглядеть на какого-нибудь высокоответственного папашу, который дождался воскресенья, чтобы погулять со своим младшим отпрыском. Он ведет колясочку так бережно, так осторожно, словно у него в этой коляске не ребенок сидит, а ревизор из народного контроля.

А что вы думаете? Так оно и есть. растить детей—важнейшее государственное задание. И я вам прямо скажу: большинство родителей выполняет это задание на «отлично». А сами ребятишки как стараются, чтобы вырасти поскорее! Вот, кажется, только что вчера я выкатывала для этого белобрысого его экипаж, а сегодня, глядишь, он уже топает ножками по ступенькам и лепечет: «Я сам, я сам!»

А его место, думаете, пустует? Как бы не так! Лежит в той же коляске такой же белобрысенький, сосет пустышку, сопит носиком. И та же самая мамаша смотрит на него с тем же самым выражением, с каким смотрела на его старшего братика.

Да у нас не только дети, родители растут. Вот при коляске номер один — шестьдесят один есть мама. Мне мама этой мамы рассказывала. Эта молодая мама наперегонки со своим старшим сыном росла. Он учился ходить, она училась в институте. Он пошел в школу, а она пошла в аспирантуру. И друг другу не уступают. Теперь у нее второй сын родился, пока еще катается в коляске. Так что оба они сейчас кандидаты: мама — кандидат наук, а Вова — кандидат в детский сад.

А то еще капитан один с дочкой по воскресеньям прогуливался. Смотрю, вчерашний день погоны у него уже майорские. Вырос, значит, военный товарищ.

В общем, что говорить... Растет у нас народ — и дети и взрослые. Школьник старается стать студентом. Студент — аспирантом. Аспирант — доцентом. Доцент — профессором. Профессор — академиком. И даже академики — живет у нас в доме один — куда уж, кажется, больше учиться? — так нет, этот академик опять в студенты записывается: состоит в кружке аквалангистов и через день ходит в бассейн плавать с ластами под мышкой.

Есть, правда, у нас в доме одна мамаша, которая и сама не

растет и ребенка не растит: за младенцем ходят две бабушки и няня. А мамочка только порхает мимо коляски завитая, напудренная, на высотных каблучках-гвоздиках. Пошевелит пальцами у ребенка перед носиком, погукает ему, потом проверит в зеркальце, правильно ли у нее брови расположены, может, на лоб полезли, и сразу топ-топ-топ ножками... и нет ее.

Я как-то раз не вытерпела и сказала ей: «Вы бы,—говорю,—маша, хоть в кои веки разок сами покатали коляску, тем более и коляска у вас чудная: спереди чего-то вертится, сзади чего-то крутится... одним словом, не как у людей». А она слипшиеся ресницы расставляет, чтобы в разные стороны торчали, как колья в заборе, и отвечает мне: «Во-первых, не ваше дело, а во-вторых, у моего Эдика не коляска, а автожир». Слыхали? Автожир у нее у самой, я скажу! Действительно, с жиром она бесится!..

Но такая в нашем доме она одна — нерастущая. Уж чего больше: проживает в восьмой квартире бабушка моих лет. Ее дочь из колхоза выписала, когда сама сына родила, чтобы, значит, бабушка ходила за внуком. Так эта бабка очень недовольна своей жизнью в городе. «Что же это,—говорит,—за жизнь? Все время возле ребенка. Я здесь никакого не ощущаю в себе роста. То ли дело у нас в колхозе: когда помоложе была, бригадиром работала, потом в правление выбрали, в сельсовет собирались выдвигать — одним словом, там у меня имелась перспектива!»

И правильно рассуждает бабка. Очень у нее мелкий масштаб: один младенец. То ли дело у меня: сто двадцать шесть единиц! И это еще не потолок, товарищи. Скажу вам по секрету: прирост населения в нашем доме, безусловно, будет продолжаться. Имеются данные. И не только в отношении той тройки, но и еще намечается прирост...

Так что я подумываю над тем, в каком подъезде требовать себе дополнительную площадь для моего гаража. Без этого не обойтись.

КИНОЗВЕЗДА

— Мне, значит, самой шестьдесят девятый годок тронулся. Ну, сно и видать невооруженным глазом, что я не фифа какая-нибудь, которая себе зачесет из своих и посторонних волос эту прическу, как цельный улей, и бежит каждый вечер на танцпятачок плясать враскорячку... И, можете себе представить, я вон в прошлом месяце поссорилась с моим стариком, с которым мы аккурат за две недели до этого отпраздновали золотую свадьбу. А из-за чего ссора началась? Вы не поверите, если я вам скажу: из-за ревности. Ага! Мой сумасшедший приревновал меня к одному кинорежиссеру...

Вышло дело, стало быть, вот так.

Утречком часов в десять я своему старику говорю:

— Следи за картошкой аккуратно, чтобы не переварилась и не выкипела вода, а я схожу за хлебом.

После этого взяла я денюжат, сумочку взяла... Есть у меня хозяйственная сумочка. Сверху на ней кожзаменитель, он у нас дома третий год воняет, но не вывонялся еще. А внутри она деревянная... Уголки даже железные... Нет, крепенькая сумочка... Да-а-а... И потопала я в булочную, как каждое утро...

А у нашей булочной в тот день эти киношники, чтобы они все пропали пропадом, затеяли снимать положение, которое было в 17-м году, при издыхании царизма. Вы понимаете? Они поставили около нашей булочной очередь из своих полуаргистов человек на двести. И крутят себе картину... Но я-то этого не знала, правда? Мне на самом деле хлеб нужен! И я смотрю, как люди трутся вдоль стен, а сама соображаю: «Чего же это такое в булочную привезли, что

такая прорва народу? Если я теперь стану честно в самый конец хвоста, то мне ничего не достанется: разберуг же все!»

Тогда я, безусловно, начинаю втираться поближе к магазину. Ну, сноровка к очередям у меня кое-какая есть... И тем более, я не вижу, что меня снимают на пленку... Значит, я где в очередь штопором вотрюсь, где плечом нажму, кого сумочкой стукну, нет, легонько, конечно... Кому на ногу наступлю... А пока он баюкает наступленную ногу, шипит над нею, я на его место. А тому, кто теперь передо мною, говорю:

— Я извиняюсь, это не вы уронили три рубля?..

Человек кинется за этими тремя рублями, которых сроду там и не было, а я на его место стану и еще говорю тому, кто передо мною оказался теперь:

— Я извиняюсь, *вас тут не стояло!* А ну, подвинься!..

И всех я обошла. Только один парень передо мною втиснулся. Я ему говорю:

— Сынок, я же здесь раньше тебя была!

А он мне:

— А тебе, бабка, вообще пора на тот свет!

Я тогда сказала ему:

— Так ты со своим нахальством и на тот свет раньше меня поберешься!

Но, в общем, я довинтилась до самой булочной. И спрашиваю там у тех, кто поближе:

— Граждане, а за чем у нас черед? Что давать-то будут?

Смотрю, они мне не отвечают и даже как-то странно на меня глядят, будто я психическая... Ну, я думаю, значит, что-нибудь уж такое-растакое привезли к нам в булочную, раз народ темнит это дело...

И вдруг из булочной выходит толстенный такой тип — я ведь нашего заведующего, безусловно, хорошо знаю, — этот в три раза толще и бородища на нем до самого живота, каких теперь и не бывает. И он заявляет громогласно:

— Попрошу расходиться: хлеба сегодня не будет!

Тут народ зашумел, — все больше бабы, как водится, кулаками стучат, визжат, воют... И принимаются даже его бить, заведующего... А он, чем бы уйти, только позорачивается под побои спиной и крикает...

А я, надо вам сказать, не могу равнодушно смотреть, если где потасовка. Меня за это четыре раза в товарищеском суде срамили и в народный суд тоже водили три раза. И штрафы я платила, и в стенгазету меня лепили это с частушками, с фотокарточками. Я как увидела, что они толстяка лупцуют, я, безусловно, сразу включилась в это мероприятие...

Только они его бьют по спине, а я зашла со стороны личности и

ка-ак ахну сумкой, так у него полбороды сразу отвалилось! Правда, я в пылу тогда не обратила внимания, что борода привязная... А сдвинула сумку к плечу (чтобы ногти освободить) и давай ему коря-бать лицо...

Он как завизжит и обратно в булочную. Не тут-то было! Я заняла позицию у самых дверей.

— Куда?! — говорю. — А ну, бабы, наддайте ему еще!

Только смотрю: бабы эти, которые только что дрались, смеются теперь... И еще кто-то громовым голосом орет:

— Стоп! Довольно! Стали обратно по местам!

Я оборачиваюсь: кто же это, думаю, команду подает? И нельзя ли и его стукнуть хоть разок?..

Вижу: солидный такой мужчина и одет хорошо. А у самого рта держит железный кувшин, но без донышка. И через этот кувшин голос у него звучит, как все равно громкоговоритель на площади. И все его слушаются: становятся по местам...

Только этот толстяк, которого я так огделала, он говорит уже набекрень ртом — из-за поцарапанности от меня:

— Слушайте, тут одна старуха меня на самом деле поцарапала и избила! Нельзя же так!

Другой мужчина, который рядом с тем, что при кувшине, он объясняет:

— Да я даже не знаю, откуда она взялась. Это посторонняя старуха. У нас на нее и ведомости нет...

А который при кувшине, — он и оказался самый главный, режиссер, — он приказывает:

— Зачислить ее немедленно. Она играет лучше вас всех!

Я спрашиваю:

— Это кто же, например, играет и во что играет?

Кувшинник мне отвечает:

— Вы играете у нас на съемке: мы для кино снимаем. И очень вы живо даете образ разъяренной старухи эпохи Февральской революции. Даже вы немножко чересчур покарябали этого артиста, который играет роль владельца булочной...

Я тогда к толстяку:

— Вы уж простите меня за ради бога!

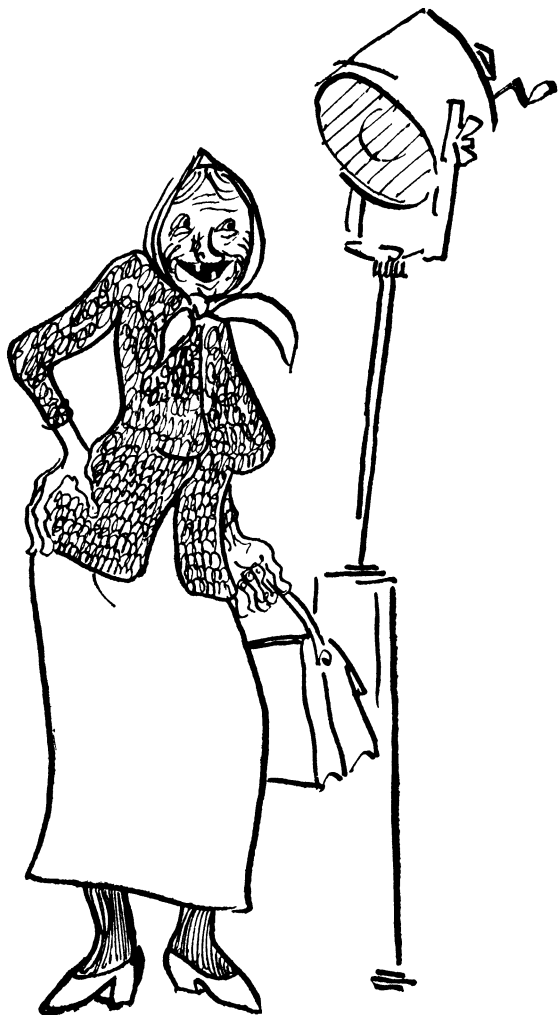
А он:

— Ладно уж!.. Только следующий раз вы помягче деритесь. И если можно, то без ногтей...

Я говорю:

— Что же вы думаете, я теперь каждый день буду вас так вот утешить? Попала я к вам в съемку нечаянно, а сейчас куплю хлеба и пойду домой: меня старик мой ждет и, наверное, уже ругается...

Тогда этот, ну, который с кувшином, шутит:

— Уж если вы с посторонним артистом так расправились, то вам своего старика укротить, наверное, раз плюнуть! Но, между прочим, я вас прошу остаться: мы еще разочек снимем эту сцену, а потом будут другие эпизоды. И вы нам очень пригодитесь, как *колоритная* фигура.

Я говорю:

— Это булочки, я знаю, бывают *калорийные*. А у меня фигура поджарая...

Ну, меня сейчас уводят в сторону, объясняют, куда мне придти к ним в кино деньги получать: за то, что я этого толстяка изувечила, мне причитается... А потом снова выстраивается очередь, товарищ с кувшином кричит:

— Начали!

Толстяк выходит с подклеенной наново бородой, бабы кидаются его бить, а я уж не могу: я не артистка, я по-нарочному драться не умею...

Но тут выбегают — кто бы вы думали? — городовые, царские полицейские! И начинают хватать людей из очереди: арестовывают, значит. И меня двое потащили под руки. Ну, тут я им себя показала: как стукнула одного мордастого, так он кубарем покатился по земле...

Этот главный через свой кувшин кричит мне:

— Молодец, бабка! Дай теперь этому — с рыжими усами!..

Я услышала и опять остановилась.

— Тыфу,— говорю,— ну вас с вашим киною! Я же забыла, что это все по-нарочному... Но, между прочим, городовые настоящие были поздоровее ваших. Они, например, как хватали людей? Руки за спину завернут и ведут. И не вырвешься! А ваши прямо рохли!

Главный говорит:

— Она права. Вы учтите это!.. Городовые, я вам говорю! А вы, бабушка, еще имеете какие-нибудь замечания?

— Имею. Во-первых, вот эта гражданка не так одета, как в 17-м году было: на ней пальто сегодняшнего фасону самого модного — арестантский халат с чужого плеча. Потом у этой тетке юбка выше колен. Так при царе такого безобразия быть не могло!

Главный тогда командует:

— Попрошу вас ко мне, вы мне будете советы давать, как очевидица и специалист по 17-му году.

Вот из-за этого я и опоздала домой. Прихожу, старик мой тучатучей! Увидал меня, кулаком по столу:

— Где была?!

Я ему:

— Подожди сердать, Федя. Я сейчас снималась, как кинозвезда, плюс давала руководящие указания...

И рассказываю ему, как было...

Он задрожал весь, как все равно студень.

— А-а-а,— кричит,— так ты есть теперь кинозвезда?! А то я не знаю, как у них там в кино делается: которая артистка с режиссером шуры-муры крутит, ту он и снимает... Почему он к тебе привязался на улице — этот с кувшином?!

Я ему:

— Да господь с тобой, мне шестьдесят девятый год!.. Какой на меня режиссер может польститься?!

А он:

— Факт остается такой, что опять ты целый день пропадала, как все равно в 1915 году с тем акцизным чиновником! Помнишь?!

Ну, правда, я тогда тоже взбеленилась.

— Ладно,— говорю,— я тебе сейчас объясню, за что он на меня польстился: за то, что я булочника так отделала, что съемки пришлось прекратить... Хочешь, я тебя сейчас так же вот угошу?

И подняла сумку над ним в боевом порядке...

Ну, тут мой старик отошел поскорее в угол и уже из угла бормочет:

— Все равно я завтра пойду в загс разводиться с тобою!

— Это,— говорю,— пожалуйста. Пойдем в загс. Распотешим честной народ! И еще я приглашу пятерых наших детей, восемнадцать внуков и четырех правнуков. Так и будем разводиться в ихнем присутствии...

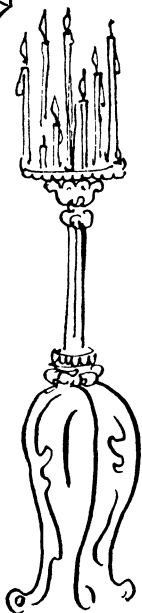
Ну, безусловно, в загс мы не пошли: скоро помирились мы со стариком. А у нас в квартале меня с тех пор иначе и не называют, как «кинозвезда». А что? Говорят, есть такие у нас звезды, что не-намного моложе меня. Так что я жду, когда за мной опять придут на съемки звать. И уж на блондинку я перекрасилась, 64 кудри себе навела на полгода. Одним словом, хоть сейчас с меня открытки делай и продавай.

СВЯТЫЕ НА ХОЗРАСЧЕТЕ

— Что ж, я никогда не скрываю, что я сама верующая. И в бога верую, и во всех святых угодничков, и в нашего приходского батюшку отца Федора... А как же? Раз они мне помогают в моей старушечьей жизни, то как же мне не веровать? Тем более я с ними давно уже перешла на эту... как ее?... на самоокупаемость, на хозрасчет. Ага! Безусловно! Который святой мне сделает добро, то и я ему обратно отвечаю добрым. А который угодник ко мне относится лениво, молитвы моей не сполняет, помощи не окажет, то и от меня увидит шиш. Даже если я что раньше для такого бездельника совершила, то все равно возьму обратно. Ага! У меня на этот счет строго: я признаю только обоюдную пользу, так сказать.

Это я еще лет десять тому назад заметила, что за ними, за святыми то есть, нужен глаз да глаз. Если их распустить, то один расход на них будет, а от них никакого то есть толку. Ага! Помню, аккурат у меня в комнате ремонт затребовался: этот домишко у нас старый — одна слава, что жилплощадь, а на деле дыра. Ага! Полуподвал — раз, сырость — два, отопление мимолетное: сейчас истопишь — и сейчас все улетучилось, и опять у тебя на подоле иней образуется. А тут взялась еще вода с подполу проступать. Только что в постель не ложишься в галошах. Ну, куда это годится?

Думала я, думала, к какому святому обратиться, чтобы насчет ремонту. Нет, безусловно, в райжилуправление и в этот наш ЖЭК я таскалась, как на службу. Благо у меня пенсионный возраст. Если мне, например, в полуклинику или в жилуправление не пойти, то мне и делать нечего: живу одна, соседи меня боятся, будто я серый волк... А почему? Исключительно через мою религиозность. Я их за

все ихние грехи так страшая тем светом, что им и на этом свете жить опостытелo... Вот, значит, поплелась я в жилуправление, а по дороге зашла в церкву, глянула на образа... Вижу, святой Микола Мирликийский стоит в аккуратных таких ризах и нимбом на меня сияет — вроде подмигивает. Я думаю: «Стой, стой, ведь это главный утешитель для плавающих и путешествующих, особливо которые по воде! А я от чего страдаю? От воды же! Выходит, ему и надо свечку ставить в отношении ремонта полу!» Поставила. Потом пошла в жилуправ, и — что же вы думаете? — мне там говорят: «Будет тебе, бабка, ремонт полу, как у тебя доски прогнившие. Завтрашний день начнем». Видали? Ну, я, безусловно, обратно в ту церкву, Миколe еще прибавила две свечи и выменяла для своего киота его иконку, подвесила в изголовье у себя в тот же вечер!

А как же? Раз он такой аккуратный святой, внимательный к нуждам верующих граждан, то, безусловно, я ему тоже пойду навстречу.

Теперь. Весною украли у меня со двора белье. Повесила я на солнышке посушить три простынки, безусловно, одеяло пикейное и еще штапельную юбку цвета бурдо. Такого, знаете, самого бурдового бурдо, что она уже вдаёт в цвет ягоды гонобобель. В общем, почти черная юбка. Ага! Вывесила я это утром, а к вечеру вышла во двор, смотрю: ничего не висит! Даже веревку срезали, злодеи! Я так и присела в лужу там же во дворе. Встала, завывала... Или нет, извиняюсь: сперва я сидя завывала, а потом, уже воючи, встала и сейчас — в милицию: заявлять... И до милиции опять заскочила в церкву сейчас это Серафиму Саровскому свечку затеплила и тогда уже окончательно в милицию. Ну, безусловно, в милиции мне пришлось помаяться: сперва они не хотели принимать моего заявления. «Чересчур, — говорят, — мало украдено». А я им: «Что же, мне теперь приврать вам про разные другие вещи? Так, пожалуйста, запишите, что у меня, кроме юбки, еще две черно-бурые лисы унесли, да золотых колец сорок штук, да три брошки с брыльянтами, да четыре браслета дутых, а два недутых...» А милиция знает что говорит: «Если у тебя действительно столько было, бабка, так мы на тебя на самое дело заведем: откуда у тебя ценности?» Я тогда скорее задний ход: «Что вы, я пошутила, у меня и бурдовой юбки, кажется, не было: одно белье...»

Записали они все-таки пропажу, пошла я домой. Прихожу, а мне соседи говорят: «Нашлись твои вещи». Наш сосед Михеич задержал парнишек, и при них все мое белье, и юбка тут же. Ребята, значит, играли во дворе в картишки. И из восьмой квартиры Валерка Яковлев все, что у него были, деньги проиграл. Тогда он стал играть на мое белье. И белье тоже просадил в два банка. Подошел к веревке — чик-чик ножиком и будь здоров! А который выиграл — ну, длинный этот малый, с соседнего дома, Генка, по кличке Конь, вещички понес к себе. Тут их Михеич и остановил...

Так разве же без Серафима Саровского они бы Михеичу на глаза попались? Да ни в жисть! Ну, безусловно, я еще три раза молитву святому Серафиму вознесла, как положено. И тоже очень стала почитать его завсегда и даже другим прихожанам советую обратиться на Серафима внимание.

А святой Пантелеймон-целитель вышел уже не то. Совсем не то! А как я узнала? Через чирии... Ага! Аккурат под троицу возьми и выскочи у меня под мышкой во-о-от такой чирий. И главное — под правой мышкой: через него ни тебе постирать, ни в руках нести ничего не приходится, ни даже лоб перекрестить: локоть поднять не выходит... Я, безусловно, в полуклинику записалась к доктору, к Таисии Ивановне. Но сама затеплила лампадку у образа Пантелеймона. А как же? Раз ты целитель, значит, цели... Таисия Ивановна мне мазь выписала, мазала я аккуратно, но ведь на святого Пантелея я извела до четырехсот граммов лампадного масла...

И только я хотела еще добавить в лампадку маслица и фитилек новый пустить, а гляжу: новый чирий набухает. Где? Там, где живот кончается и начинаются ребра... Я тогда к иконе: «Что же это ты делаешь, батюшка? Нешто я тебе лампадку возжигаю, чтобы ты мне чиряки повторял, да?» Сейчас это огонек притушила, лампадку перевесила к другому образу и пошла к сестре медицинской колоться, как мне велела доктор Таисия Ивановна еще до святого Пантелея. Ну, уколами меня вылечили опосля пятого нарыва. Но я этого Пантелеймону никогда не прощу, что он моей молитве не внял. Икону евонную я у себя с киота сняла и отдала племяннице Никому теперь не советую к нему обращаться. Идите прямо к Таисии Ивановне, к доктору, или к Серафиму Саровскому: этот поможет...

А сейчас взяла я на проверку архангела Гавриила. Пускай он мне подскажет: где я могу себе боты достать, которые чтобы были подходящие? Я уж ему при молитве говорила, архангелу, что мне на «молнии» ботики не годятся: чересчур часто «молнии» заедаются на них, этак ни снять, ни надеть толком боты нельзя. На кнопке боты — тоже плохой товар: кнопка скоро ослабеваег, и остаешься безо всякой застежки. А мне требуется на пуговицах резиновый бот. И в ширину чтобы широкий, а в длину чтобы короткий: персонально по моей ноге. И вот пускай архангел Гавриил побеспокоится разузнать: где такой товар выбросили? В каком районе и в каком магазине? И если он мне подаст знак, куда мне бежать за пуговичными ботами, то я ему тоже справлю и молигву, и свечи, и лампаду, и все, что полагается. Но только наперед теперь, после святого Пантелея, к ним ко всем особой веры я не имею. Пушай сперва архангел мне явит свое чудо, а тогда и я в долгу не останусь. Я так и отцу Федору заявила. А кто не захочет, то и от меня получит вот это... (сложила кукиш). В таком деле нужна обоюдная польза. Ясно вам? Ну и вот... Ага!

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

— Со мною в одной квартире живет такая божья старушка — баба Капа, Капитолина Васильевна. Она и гадалка, она и лекарь: берется лечить кого хочешь и от чего хочешь. Будущее предсказывала и по картам, и по кофейной гуще, и по сырковой массе...

Придет, например, гражданочка и просит сказать: что ее лично ожидает в ближайшем квартале? Баба Капа сейчас укутается в черную шаль, кошку к себе на колени — специально для этого черную кошку завела — и начинает вещать басом:

— Ходит вокруг вас трефовый король, но вы ему не верьте, поскольку этого короля скоро ожидает казенный дом, правда, без поражения в правах и без конфискации. А еще предстоит вам бубновая дорога в червонный санаторий на двадцать четыре дня согласно путевке...

И гражданка ахает, словно пророк открывает перед ней завесу будущего. Вам, может, смешно, а к этой бабке кто только не ходил! И ответственные жены, и генералыши, и заведующие, одна даже приходила кандидат наук.

Но вы не думайте, что одни женщины к ней ходили. И мужчины тоже навещали, но реже. Один, например, голубчик все приходил прыщи выводить на своей личности. Другой забежал узнать, сколько он получит по суду за растрату. Баба Капа раскрыла карты и пообещала ему всего-навсего один год принудительных работ по месту службы. Он так обрадовался, тут же увеличил растрату еще на пятьдесят рублей: отвалил, значит, самой Капе...

Но, главное дело, как она лечила! Ее аптека-то у нас на кухне делалась. При мне то есть баба Капа разливала по бутылкам свое

«исцеляющее» снадобье. А из чего оно состоит? Немножко уксусу, валерьянки чуть-чуть, марганцовка для окраски и водопроводная хлорированная водичка. Нальет из-под водопроводного крана бутылок пятьдесят, заправит, закрасит кое-как и продает. И сколько же продает!.. У нас в переулке ей все жильцы сдавали порожнюю посуду, как все равно в магазин.

И вы знаете, вышло, что я этой бабе Капе самолично закрыла всю коммерцию. Как? А вот послушайте.

Раз под вечер открываю я дверь на звонок. Смотрю: стоит гражданочка из себя вроде ничего, но уж очень хлопотливая по части, значит, красоты и обольщения. Шляпка у нее на манер, как чашечка у желудя, только с бантом. И кудряшки вокруг всей головы мелко-мелко накручены, как вот в нашей парикмахерской на вывеске. И вместо пуговиц на пальто бантики. А на туфлях бантики, пряжечки, зубчики, дырочки... Словом, живого места нету на коже. И на лице тоже живого места не осталось: все, что придумали хитрые люди, все тут: пудра, крем, румяна, помада, тушь, карандаш...

Не успела я рта раскрыть, эта фифа мне говорит:

— Здравствуйте, моя дорогая, я к вам!

Ну, раз ко мне, прошу пройти в комнату. Только затворила я дверь в коридор, она опять:

— У меня на вас одну вся надежда! Спасите меня, я вас умоляю!

— От чего спасти-то?

— Я боюсь: он меня бросит! Он от меня уйдет!

— Да кто он-то? Куда уйдет?

— Он! Ну, мой «он»! Понимаете? Он непременно уйдет к жене, я это чувствую, потому что я такая чуткая, как все равно собака... Там у него трое детей, жена все узнала...

«Эге! — думаю. — Вот ты какая!..» А сама ей говорю:

— Что же тут плохого, если муж вернется к жене да и к детям? В добрый час!

А она:

— Нет, вы не знаете, как он мне нужен морально. Он культурный человек, заведующий продовольственной базой. У него такой кругозор... Я через него так расту, так расту, даже знакомые удивляются, какая я стала элегантная женщина!

— А я-то что могу сделать?

— Вы все можете!.. Мне про вас рассказывали Инна Константи́нна, и Анна Степа́нна, и Сусанна Алекса́нна. Погадайте мне, во-первых, а во-вторых, дайте мне какое-нибудь средство, чтобы он меня любил бы безумно!

Вы понимаете? Она принимает меня за бабу Капу.

«Ну, — думаю, — я тебе дам средство! Раз ты такая «культурная» и веришь в средства, я тебе помогу!» И потихоньку посылаю своего внука в аптеку за касторкой. А сама говорю этой фифе:

— Сделаю. Все я для тебя, красавица моя, сделаю, только сразу такое средство не сварганишь. Надо нам над ним похлопотать, наговор произнести...

Да. Для оттяжки времени села я ей гадать на картах. Раскинула, значит, колоду и плету:

— Угу. Видно, что около вас крутится бубновый король, а его на себя оттягивает бубновая же дама и при ней три валета мал-мала меньше.

Она аж заходится от удивления:

— Ну, точно! Точно! Скажите, как это карта все знает!

А я дальше:

— Безусловно, эта бубновая дама на вас подала заявление в червонную организацию за трезовое разложение...

Она:

— Да, да, да! Точно!

Я:

— Но в этом деле произойдет неожиданный переворот через пиковый пузырек, который вы получите от пожилой дамы неопределенной масти.. Не благодарите, а то не сбудется!

После этого выхожу я на кухню, а в комнату вместо себя пустила черную кошку, ну, Капину... Кошка ходит вокруг этой дурехи, мяукает, а дуреха ллеет и думает: может, сейчас кошка ей тоже что-нибудь объяснит или предскажет...

А я тем временем с касторки ярлычок соскребла, сунула пузырек в карман себе. Потом в другую бутылочку намешала скипидару, машинного масла, перцу и уксусу — всего граммов восемьдесят. Тоже пробочкой заткнула и несу этой фифе.

— Вот,— говорю,— вам два средства: заговоренное масло, на нем своему голубчику сделайте винегрет или рыбу зажарьте. Это раз. А из второй склянки подлейте ему в кофе две ложки уже после масла. Как будете подливать, то произносите чудодейственные слова: «Лейся, лейся, скипидар, мне верни любовный дар, чтобы я бы да ему полюбилась самому; а кто будет поперек, чтобы в скорый, значит, срок отвалилась от него,— во и боле ничего!» Запомнила?

Она губами пожевала-пожевала и кивает головой.

— Кажется, уже помню!.. Сколько я вам обязана?

— Ох,— говорю,— это средства дорогие: по двести рублей каждое. (Я расценкам у бабы Капы научилась.)

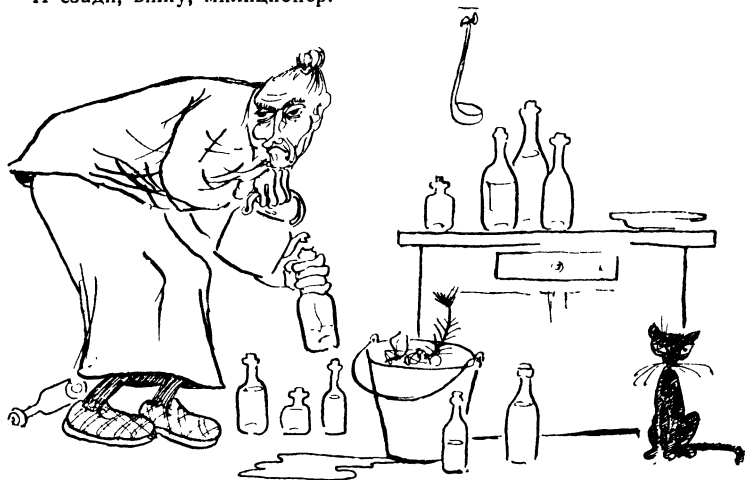
Фифа выворотила всю сумку, достала полтора ста рублей и еще снимает с пальца колечко с бирюзой.

— Возьмите пока вот это, а я на неделе у вас обменяю бирюзу на деньги...

Я все спрятала в шкаф, проводила ее до дверей и стала ждать, когда мои приворотные зелья подействуют. А подействовали они, видать, очень скоро: на другой день уже часа в четыре звонок. Кто-

то из жильцов открыл дверь, а в подъезде стоят: плотный гражданин в кожаном пальто, за ним моя фифочка, вся заплаканная, кудри висят сосульками...

А сзади, вижу, милиционер.

Входят они в квартиру, я из-за своей двери наблюдаю, что будет. А на кухне аккуратно баба Капа разливала свое снадобье в шестьдесят бутылок. Сама, значит, хлопочет, и невестка, и племянница... И еще Капа на них ворчит:

— Вы ускуса-то поменьше расходуйте, только бы пахло!.. Водички, водички доливайте: от нее никакого вреда быть не может...

Гражданин в кожаном прямо к ней.

— Вот тебя-то, ведьма проклятая, мне и надобно! Ты это чем меня отравила, а?!

Баба Капа норовит от него отойти, а уж тут милицейский ей предлагает:

— Давайте, гражданка, составим акт на вашу нелегальную аптеку. Это вы что разливаете?

Она мек-бек... А фифа протерла заплаканные глаза — они у ней все черные от туши размазанной — и визжит:

— Это не она! Не она мне давала средства!

— А кто же?

Тут я выхожу вперед и заявляю:

— Ну, я давала. Вот вам ваши деньги и колечко. А что касается до самого зелья, то ничего опасного: масло было касторовое.

Гражданин восклицает:

— Я так и думал!

— Конечно,— говорю,— вам виднее. А второе средство — тоже домашнее, безо всякого яду.

— Да зачем вам это нужно было?!

— А затем, чтобы ты одумался, понял, с какой дурой ты путаешься, ради кого жену бросил! Вот зачем!

Этот в кожаном пальто сразу застеснялся так и говорит:

— Ну, я пошел... Вы ведь мой адрес знаете, товарищ лейтенант...

Фифа к нему:

— Куда вы?

— Туда,— говорит,— где меня не будут отравлять разными зельями!

И — будьте здоровы — ушел.

А милицкий сказал:

— Ну, этот случай насчет касторки нас прямо не касается. А вот гражданка с оптовой продажей — другое дело. Вторично предлагаю: давайте составим акт. Вот вы будете понятою!

Это я то есть.

Баба Капа уже перестроилась и заявляет:

— Никакой аптеки тут нет. Просто я мыла посуду под квас.

— Хорошо,— говорит милиционер,— это под квас. А в отделении у нас еще четыре заявления на вас. Пройдемте сейчас!

Так и закончились у бабы Капы сразу и врачебная практика, и аптека, и гадания для посторонних. Она теперь гадает: что с нею самой будет?..

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мотобабка	3
Гололедица	7
Гелеграмма	11
Вездесущая старушка	15
Колхозная гостья	21
Как всегда	34
Про футбол	39
Серьезная должность	43
Кинозвезда	48
Святые на хозрасчете	54
Приворотное зелье	58

ВИКТОР ЕФИМОВИЧ АРДОВ

БАБУШКИ, БАБКИ, БАБУСИ

Редактор Арк. Васильев.

Техн. редактор Г. Иорш.

А 00352.	Подписано к печати 7/III 1967 г.	Объем 2 физ. печ. л.
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₃₂ .	2,80 усл. печ. л.	Тираж 225 000.
Изд. № 148.	Заказ № 2473.	

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 10 коп.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИРА

1

486